

М. И. Д. ЗИМНЫ

СЯКИНЫ ДЕТИ 2

ПОМЕРЕТЬ
НЕ ТРЯДНО

Сукины дети

Татьяна и Дмитрий Зимины

**Сукины дети 2.
Помереть не трудно**

«Автор»

2022

Зимины Т.

Сукины дети 2. Помереть не трудно / Т. Зимины — «Автор»,
2022 — (Сукины дети)

Вернувшись с войны, я оказался в незнакомом городе, без жилья, средств к существованию и перспектив на будущее. Теперь у меня есть всё: друзья, наставник, уютный дом и даже немного денег... Проблема с перспективами. Кем я стал? Почему меня должна устраивать моя новая жизнь? И что, чёрт побери, мне с нею делать? Говорят, в каждом человеке есть немного от монстра. Я надеюсь, во мне осталось хоть немного от человека... "Допущен к ночным экскурсиям" - такой вердикт вынес неподражаемый Алекс, мой бессмертный друг и наставник. Осталось понять: охотником мне суждено стать, или жертвой?

© Зимины Т., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	31
Глава 5	39
Глава 6	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Татьяна и Дмитрий Зимины Сукины дети 2. Помереть не трудно

*В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо своё, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города...
Н. Гумилёв.*

Глава 1

Мусорные баки, разбитые фонари и грязь по колено. Под ногой хрустнул тонкий ледок, намёрзший в неглубокой луже – и это в середине апреля.

Я шел медленно, прислушиваясь к разнообразным шорохам, стараясь уловить тот самый запах... Но как всегда, всё случилось неожиданно и быстро.

В спину толкнуло, словно молотом. Падая, я успел перевернуться, выхватить пистолет и выстрелить четыре раза.

Раздался пронзительный визг, страшная морда, не успев рвануть зубами моё горло, отлетела к забору.

Я врубился спиной в противоположный забор – каменный, усиленный арматурой.

Дыхание вышибло, в глазах потемнело. И в этот момент грохнул ещё один выстрел.

Когда зрение вернулось, на куче битого кирпича я увидел знакомую фигуру: цилиндр, плащ-крылатка, револьвер...

– Плохо, кадет, – прыгнув с кучи, Алекс подал мне руку. – Видать, рано я тебя к ночным экскурсиям допустил.

Я поднялся. Воздуха всё ещё не хватало, почки саднило – ударился я знатно.

– Чего это плохо? – я нашел глазами тварь. Она почти развеялась, но общие очертания ещё можно было угадать. – Я же её убил?

– Во-первых, ты должен замечать опасность до того, как она прыгнет тебе на спину, – шеф убрал револьвер в кобуру и неторопливо, заложив руки за спину, пошел вокруг "места преступления". Вдалеке слышался шум большого проспекта. Ветер нёс гудки автомобилей, шорох шин и запахи выхлопных газов. – Во-вторых, ты не сделал контрольного выстрела в голову.

– Да она и так рассеялась. Чего патроны тратить?

– Если бы это был не призрак, а настоящий вервольф, твои пули его бы не задержали.

– Да откуда взяться настоящему вервольфу в центре города? – я начал злиться.

По моим стандартам, я действовал суперпрофессионально. Прodelал всё необходимое с шиком и блеском, не хуже самого шефа... А он просто придирается. Потому что не хочет отпускать на самостоятельную охоту. Тьфу, извините. Экскурсию.

Чувствовалась в этом эвфемизме некоторая фальшь, но я уже привык, что у нас в агентстве никакие вещи не называются своими именами.

– Ты думаешь, что уже самый умный, да? – добродушно спросил Алекс.

– Да уж не глупее многих, – отряхнувшись, я захромал вдоль забора, считая, что дело закрыто, и больше здесь ловить нечего.

– А как ты объяснишь серебряные пули, застрявшие в заборе, обывателям?

– Чёрт!..

Я попятился, на ходу доставая отвёртку. Встав на колени там, где развеялся призрак, я нашел три вмятины, с застрявшими в них кусочками серебра. Сковырнул все три отвёрткой, а потом зашарил глазами по земле, в поисках четвёртой пули.

– Не трудись, – Алекс с насмешливым видом стоял у меня за спиной. И протягивал мне на затыкнутой в перчатку с раструбом ладони два тусклых смятых комочка. – Про мой выстрел, разумеется, ты забыл.

Нет, сегодня просто не мой день.

С утра всё пошло наперекосяк. Точнее, ещё с вечера... Вчера я поругался со своей девушкой. Причём, основательно так, серьёзно. И на мой взгляд, совершенно на пустом месте.

Мириам хотела работать у нас в "Петербургских Тайнах". Причём, ни много ни мало, как охотником – то бишь, извините, ночным экскурсоводом. А я хоть убей не мог представить, как сначала я приглашаю девушку в кино и на романтический ужин, а потом, наскоро вооружившись, мы рука об руку идём убивать монстров... Ну не укладывается это у меня в голове.

Обзывайте меня сексистом, самодуром и женоненавистником, но в этом вопросе я полностью согласен с шефом: любимая девушка – создание эфемерное, почти неземное. Ей надобно дарить цветы, сочинять в её честь поэмы, петь серенады на рассвете, под балконом... В крайнем случае – вызволять из лап не слишком страшного злодея.

Видеть, как предмет романтических грёз, эфемерное создание, молодецки хекнув, загоняет осиноый кол в грудь упырю... А потом отрезает ему голову большим мясницким тесаком... На мой взгляд, сия картина, застряв перед глазами, может приземлить даже самые возвышенные чувства.

Мириам, конечно же, упирала на то, что у нас уже работают целых три девушки – и взять её, четвёртой, будет только справедливо. Я, совершенно не подумав, на это ляпнул, что тройка – это как раз-таки число уравновешенное, почти сакральное, и портить его лишними фанабериями совершенно ни к чему.

Вот у вас когда-нибудь такое было? В споре с девушкой? Когда понимаешь, что яма, в которую предстоит упасть, не только уже вырыта, но и наполнена по самые края голодными аллигаторами?..

Но язык всё равно продолжает молотить, и остаётся только наблюдать, как аллигаторов становится всё больше...

В общем, расстались мы, так и не подписав мирного договора. И утром, припомнив все подробности, я чувствовал себя на редкость паршиво.

Днём я несколько раз пытался дозвониться до Мириам – но трубку каждый раз брал её отец, кладбищенский сторож, с которым, по понятным причинам, обсуждать ссору я не хотел.

Часов в восемь вечера, когда я, смирившись с поражением, только собрался испросить у шефа ключи от Хама, чтобы ехать извиняться лично – ну что поделать? Человек слаб. И если ему предстоит битва с любимой женщиной – лучше сразу выбросить белый флаг... – Алекс объявил, что сегодня намечается ночная экскурсия, и чтобы я был готов не позднее, чем через пять минут.

Честно говоря, я обрадовался. Что выяснение отношений откладывается, и даже как бы не по моей вине... Но всё равно: думать мог только о Мириам. Отсюда – все допущенные ошибки.

– Простите, шеф. Голова не тем забита.

– О, ну тогда всё в порядке, – забрав у меня смятые серебряные пули, он ссыпал их в карман: серебро нынче дорого, и разбрасываться ценными материалами глупо. – Раз у тебя голова... Наверняка, монстры тоже войдут в твоё положение. Завидят издали и скажут: – Раз мон шер ами сегодня не в духе, не будем ему голову откусывать. Выберем другой день – когда он будет спокоен и собран, как саквояж полевого доктора.

– Но я же убил эту тварь, – это был вопль души.

– Просто повезло, – отмахнулся шеф. – Инстинкты сработали. Рефлексы. Помнишь, что я тебе говорил по этому поводу?

– На ночной экскурсии должно думать только о ней и ни о чём больше.

– А чем именно нужно думать, кадет?

– Головой.

Злость почти перелилась через край. Меня отчитывают, как первоклассника! После всех лет на войне, после того, как я так долго был один... Быть учеником – тяжкое бремя.

– Ладно, будем считать, зачёт ты сдал, – сжалился шеф. – Не на пятёрку, но...

– За зачёты оценок не ставят, – автоматически поправил я. – Зачёт – это когда сдал – или не сдал.

– Ты мне ещё поумничай.

– Извините, шеф. Вырвалось.

Алекс стоически вздохнул. Нет, правда: я и сам иногда удивлялся: как он меня терпит? С другой стороны – шеф тоже не подарок. Так что, по Гамбургскому счёту, мы друг друга стоим.

– Скучно сегодня, – Алекс привычным жестом снял перчатку и пощупал воздух. – Не иначе, быть грозе.

Зевнув, он неторопливо направился в сторону проспекта.

– Так что? – догнав, я пристроился рядом. – На сегодня всё?

Может, успею ещё к Мириам. Если потороплюсь – проскочу до развода мостов, а вот обратно уже не успею. Придётся ей пригласить меня переночевать...

То, что моя девушка, вместе с отцом, живёт на кладбище – меня давно уже не смущало. Тем более, что кладбище было старое, последнее захоронение случилось лет пятьдесят назад. Да и покойники на нём поднимались редко...

Увлёкшись своими мыслями, я рассчитывал, что шеф остановится возле Хама и откроет пассажирскую дверцу, но он, даже не глянув в сторону джипа, прошествовал мимо.

– А ты куда-то торопишься, кадет?

Я смутился. Свои отношения с Мириам, перед Алексом я старался не афишировать. Можно сказать, щадил его чувства – после того, как узнал, что он в своё время тоже неровно дышал к моей девушке. Он тогда наговорил много умных слов, про Ш'хину, Софию и их роль в истории мирового коммунизма – я даже потом об этом почитал, но так ничего и не понял. Точнее – не поверил. Ерунда какая-то. Мириам – обычная девушка. По крайней мере, в моих глазах... И пусть остаётся такой во веки веков, аминь.

– Да нет, в общем-то...

– Ну, вот и хорошо, – Алекс улыбнулся добро, как он это умел. Обычно такая улыбка предвещала много испытаний – и духовных и физических. Так что я малость собрался. – Пользуясь тем, что ночь у нас освободилась, я решил познакомить тебя с иными аспектами нашей работы.

– Какими?

– Такими, до которых раньше не доходили руки.

Я не стал уточнять. Достаточно хорошо знал шефа: раз ничего не говорит – значит, проще показать.

Некоторое время мы шествовали по ночным улицам. Точнее, Алекс шествовал – размашисто ударяя тростью в асфальт тротуара, откинув полу крылатки – чтобы быстрее выхватить револьвер, если что. И иногда прикасаясь пальцами к краю цилиндра – если видел красивую женщину, или знакомого... Я просто шел рядом.

В лётной кожаной куртке, в простых джинсах и высоких ботинках, рядом с разодетым шефом я казался бедным родственником. Но натуру не переделаешь: ему было удобнее в цилиндре и крылатке, а мне – в джинсах и куртке. Привычка, как говорят – вторая натура.

Тем более, представить, как хожу по городу, среди людей, в шелковом цилиндре и с тростью, я не мог. Куры ведь засмеют.

А шеф – ничего. Ходил. И что характерно: никто над ним не смеялся... Главное – чувствовать себя в своей тарелке, – говорил отец Прохор. А что на тебе надето – майка с логотипом "Металлики", или монашеская ряса – дело десятое. Важно знать, кто ты есть внутри.

Мне кажется, я с этим знанием ещё не определился. Нет, не так... Долгое время я чётко знал, кто я такой: военный переговорщик. Потом, после ранения, я стал бродягой, и чуть не сошел с ума, потому что годами выстраиваемые барьеры, тренированные рефлексы и специфические знания вдруг оказались не нужны...

Потом меня подобрал Алекс, и казалось, жизнь удивительным образом наладилась. Пока мы не столкнулись со старым врагом шефа, Антоном Лавеем. И тут-то всё и полетело кувырок...

– Пришли, – сказал шеф, останавливаясь перед лестницей, которая вела не вверх, а вниз от тротуара.

Я посмотрел на вывеску. Тусклая и неприметная в свете ночных фонарей, она не сверкала неоном, не заманивала яркой картинкой, и судя по названию, отнюдь не обещала приятного отдыха.

– Заупокой, – прочитал я на вывеске. – Это что, бюро ритуальных услуг?

– Пивнушка, – смачно выговорил Алекс. – Сиречь – заведение, в котором отпускают напитки по сходной цене, лицам, достигшим определённого уровня.

– Вы хотели сказать – возраста?

– Что хотел, то и сказал. Будь внимательней, кадет. И главное... – он уже спустился на пару ступеней, и обернулся ко мне, глядя снизу вверх. – Продолжай не расслабляться.

На двери, обклеенной бумагой "под дерево", красовался желтый смайлик величиной с теннисный мяч. Когда Алекс протянул руку, чтобы нажать звонок, смайлик подмигнул и высунув красный язык, плотоядно облизнулся. Стало заметно, что смайлик имеет довольно острые клыки, измазанные нарисованной кровью.

Дверь открылась с замечательным потусторонним скрипом. В нос ударило смесью тушеной капусты и прокисшего пива, а также плесенью и почему-то мокрой собачьей шерстью.

Капуста и прокисшее пиво – это морок, иллюзия, – понял я, как только переступил порог. А вот псина – настоящая.

В дальнем конце просторной комнаты горел камин, от него до самой двери тянулась барная стойка, сработанная из разнокалиберных кусков мрамора и гранита. Не просто кусков, – понял я, приглядевшись. – Это могильные камни, аккуратно подогнанные друг к другу. На многих виднелись потускневшие надписи и портреты с датами.

Однако чувство юмора у здешних хозяев...

С нашей стороны барную стойку дополнял ряд высоких табуретов, а с другой – барменша.

Я моргнул. Даме на вид было за сорок. Громадных размеров грудь рвалась наружу из кружев тонкой батистовой блузки... Что было выше этой груди я разглядел гораздо позже. Поймите меня правильно: нечасто удаётся увидеть столь впечатляющий... объект.

– Стригой... стригой...

Шепот полз по бару, как болотный туман. Увлечённый осмотром барменши, я не сразу сообразил, что направлен интерес в мою сторону. А когда сообразил – невольно потянулся к пистолету.

Ощущение взглядов было почти физическим. Они словно прокалывали кожу, проникая внутрь, в самую плоть... Это было очень неприятно.

– Остынь, кадет, – негромко приказал Алекс. – Просто дай им себя рассмотреть.

– Что-то мне не нравится, когда меня так рассматривают, – буркнул я, подавляя желание спрятаться за спину шефа. Кулаки я держал сжатыми, глубоко в карманах куртки – во избежание.

– Руки, кстати, покажи, – мягко посоветовал шеф. – А то, не ровен час, подумают...

– Может, тогда уйдём?

– Ещё чего, – Алекс снял перчатки, цилиндр, зажал трость под мышкой. – Привыкай, кадет.

– К чему?

– К тому, что не все вокруг лохи, кроме тебя, – и он, не оглядываясь, пошел к барменше.

Я знаю, что Алекс при этом обворожительно улыбался, и протягивал к женщине обе руки... А я, стараясь не обращать внимания на враждебные взгляды, направился к столику в самом тёмном углу.

Лавей меня пометил. Почти превратил в такого же, как он, энергетического вампира. Или, как говорят культурные люди – стригоя. "Почти" – потому что я так и не прошел конечной инициации. Колдун погиб раньше. Но от первой метки меня это не избавило.

Когда Лавей погиб, я чуть было не отправился вслед за ним – всё шло к тому, что восход солнца просто меня сожжет.

Сейчас я нередко ловлю себя на мысли, что просто выйти на солнце – было бы гораздо гуманнее...

Прошел почти месяц, а я до сих пор не переношу тесных замкнутых помещений, подвалов и прикосновений серебра к голой коже. И не потому, что оно обжигает – это-то как раз и не проблема. Просто у меня развилась адская идиосинкразия. Как увижу серебро – так представляю себя замотанным в цепи и похороненным заживо в гробу...

Побочным эффектом моего выздоровления стала некоторая обесцвеченность – волосы словно вобрали в себя тусклый оттенок серебра, с кожи исчезли все веснушки, а глаза сделались бледно-голубыми. Как ледышки. Словом, пропал весь меланин.

Еще есть такая штука: гемоглобин. В моём организме его теперь недостаточно. Приходится восполнять, поглощая плохо прожаренные стейки, гранатовый сок и морковку тоннами. А в тумбочке рядом с кроватью хранить стратегический запас гематогена.

В то же время я стал как будто сильнее. Это свойство первой заметила Антигона – когда попросила меня перетащить сейф из офиса в кабинет шефа, и я спокойно поднял его один, без посторонней помощи. Ночное зрение, опять же – штука удобная. И нюх, как у сеттера... Вот он доставлял больше хлопот, чем радости. Жженые перья, чужой перегар, горелая полынь – эти запахи могли вырубить обоняние на неделю. Страшно подумать, что будет, если я нюхну нашатырного спирту... Но экспериментировать – дураков нет.

Интересно: до нынешнего момента, от окружающих я никакой антипатии не наблюдал. Девчонки в офисе пришли к единодушному мнению, что подлецу – всё к лицу; Мириам заварила, что любит меня всякого, и с белыми волосами, и вообще без оных – если придётся.

Остальные женщины относились ко мне ровно... Впрочем, "остальные" – были сплошь пассии Алекса, а на его фоне любой смотрелся бледно. Так что я не в обиде.

И вот теперь открылся еще один аспект моего нынешнего бытия: оказывается, некоторые люди мою изменившуюся сущность чувствуют, и им она, сущность, активно не нравится.

У стены свободных столиков не было, и пришлось сесть рядом с проходом. Я поставил стул так, чтобы видеть дверь, весь зал, а в особенности – барную стойку с зависшим над ней шефом, снял куртку и постарался выглядеть как можно безобиднее.

Получалось плохо: под курткой у меня была наплечная кобура, расставаться с которой, в свете текущего положения вещей, я не собирался.

Впрочем, другие завсегдатаи тоже были вооружены – нет-нет, а в свете тусклой лампочки, забранной пластиковым абажуром, мелькали отблески металла... И не всегда – на пистолетах.

Оглядывая исподволь зал, я насчитал четыре меча, две перевязи с метательными ножами, шесть-семь пистолетов, одиннадцать намоленных "предметов культа" – в-основном, разнообразных крестов, от православных, до кельтских, и один громадный молот. Молот был заслуженный: весь в зазубринах, с потемневшей от времени и отполированной долгим использованием рукоятью. Он возлежал на отдельном стуле. Как самостоятельная личность.

Вот теперь название пивнушки прояснилось полностью. Заупокой – это как раз про это место. В смысле: один косою взгляд – и ты уже труп. Осталось только молитву спеть.

Пока я рассматривал молот, от соседнего стола поднялся парень в спортивном костюме, и пошел в мою сторону. Я напрягся.

Глаза у него были желтоватые, глубоко утопленные под лохматые брови, а пегие вихры торчали в разные стороны. Концы вихров были обесцвечены. Костюмчик на нём был модный, с золотым тиснением и стразами, кроссовки – как у крутого баскетболиста. Высокие, и такие белые, что слепило глаза.

Проходя мимо, парень невежливо толкнул меня в плечо локтем. Я засопел. Вновь пахнуло мокрой псиной, и я невольно повернул голову, чтобы посмотреть парню вслед...

Парень как парень. Мажор. Золотая молодёжь. Цепь на шее, перстни на пальцах – всё как у людей.

Интересно, что он здесь делает?..

Барменша, выбравшись из-за стойки, поплыла ко мне – как галеон под всеми парусами. Я замороженно смотрел, как её гигантская грудь, обтянутая белой тканью, неумолимо приближается, и только потом заметил, что в руке у неё кружка пива... Пиво предназначалось для меня.

– Спасибо, – буркнул я. Не иначе, шеф побеспокоился. Решил меня занять, пока сам точит ляды.

– Не за что, малыш, – барменша подмигнула и как бы невзначай дотронулась до моего плеча грудью.

Пиво было хорошее. Тёмный портер, с пряным привкусом хмеля. И хотя я не большой любитель спиртного, мне понравилось.

Допивая кружку, я вновь учуял запах псины, и вновь меня невежливо толкнули в плечо... Стекло больно ткнулось в зубы, раздался хруст. Во рту появился металлический привкус крови...

Парень, вальяжно прошествовав к своему месту, даже не оглянулся. И только устроившись на стуле, повернул голову в мою сторону и глумливо осклабился.

– Чего уставился? – спросил он таким тоном, будто был на пять размеров больше. Глаза в этот момент у него были почти круглые, ещё более желтые и совершенно равнодушные.

Я демонстративно поставил кружку с окровавленным краем на стол и протянул руку к корзинке с хлебом.

– Шарик, служи! – взяв сухарик, я швырнул его в сторону парня. Тот непроизвольно взвился в воздух и щелкнул челюстями.

Я поступил глупо, признаю. Но я уже говорил: сегодня не мой день. Всё идёт наперекосяк и дико раздражает. Ну почему именно сегодня Алексу понадобилось тащить меня в этот Заупокой?..

Доли секунды понадобились вервольфу, чтобы перекинуться, вскочить на стол и оскалиться мне в лицо.

Я выхватил пистолет и направил ему в грудь... Успел – очко в мою пользу. Но зато против – не меньше сотни.

Об оборотнях я читал. У Алекса в библиотеке есть замечательный бестиарий Хенрика Фаркаша, так вот в нём... Впрочем, не важно. Главное, что взглянув на парня, я каким-то седьмым чувством понял, что передо мной – человек-волк. И меня одолело совершенно детское любопытство: как это происходит? На что похожа звериная ипостась? Его и вправду можно принять за животное, или это всего лишь видоизменённый человек с волчьей головой и когтями на пальцах?.. Впрочем, псоглавцы – это другая тема.

Не думая, а испытывая лишь острое чувство удовлетворения любопытства, я раздражил оборотня. И вот ситуация: мой пистолет упирается ему в грудь, а зубы вервольфа находятся в интересной близости от моей сонной артерии.

Ерунда, что сонную артерию легко прокусить. Расположена она глубоко, под несколькими слоями перекрывающих друг друга мышц. К тому же, несколько защищена ключицей. Нужно иметь очень длинные зубы, чтобы прокусить сонную артерию.

Оборотень их имел. А ещё он мог просто вырвать кусок мяса у меня из глотки, и вся недолга.

Палец на спусковом крючке напрягся...

– Митроха!.. Сидеть!

Голос прозвучал настолько уверенно, непререкаемо, что сели все. И волк, и те, кто уже было поднялся, чтобы нас разнимать.

В дверях рядом с барной стойкой высился гражданин. В безукоризненном, итальянской сборки костюме, в белой рубашке и галстуке. На совершенно лысой голове его был картуз. Солидный такой, с лаковым козырьком и в едва заметную неброскую клетку... Я уже говорил, что зрение у меня раз в десять лучше, чем у обычного человека? Все эти подробности я разглядел сквозь табачный дым и сумрак полуподвального зала совершенно запросто.

Пахло от человека властью, хорошим коньяком и папиросами "Беломорканал".

– На минуту, понимаешь, оставил. Руки пошел помыть...

Широким шагом гражданин направлялся к нам. Оборотень Митроха сидел на стуле, как цирковой лев, изо всех сил демонстрируя безобидность и дружелюбие. Только что хвостом не вилял.

Потихоньку сняв палец с крючка, я поставил пистолет на предохранитель и убрал в кобуру.

– Извините этого шалопаю, – проходя мимо, гражданин потрепал волка по ушам, как обычную овчарку. – Молодой ещё, первый раз в культурном обществе. Он вас не напугал? – участливо спросил гражданин, без приглашения усаживаясь на соседний с моим стул. – Вот я ему по мордасам, – он погрозил волку зажатым в ладони поводком.

– Я сам виноват, – перед гражданином я робел. – Я его спровоцировал. Первый раз вижу живого оборотня. Ну, и не удержался...

– Владимир, – протянул широкую, как лопата, руку гражданин. Моя не очень мелкая ладонь утонула в ней, как в боксёрской перчатке. – А этот вот охламон – Митроха. Митрофан Гордеевич, если по батюшке. Да перекинься ты уже, – зашипел он сквозь зубы на волка. – Развёл зоопарк. Перед людьми стыдно...

Неожиданно подмигнув желтым глазом, волк соскочил с табурета, и подхватив пастью вещи – я только сейчас заметил, что на полу валяется пижонский спортивный костюм от "Гуччи" – неторопливо потрусил к той же двери, из которой появился Владимир.

От барной стойке к нам шествовал Алекс.

Я прикрыл глаза. Сейчас меня постигнет нагоняй, который оборотню Митрохе и не снился... Начнёт шеф, конечно, с того, что меня и на минуту оставить нельзя. Затем плавно переключится на пистолет, затеяв лекцию на тему того, что нельзя вытаскивать оружие, если не собираешься стрелять.

А я ведь и вправду собирался. Почесноку. В какой-то момент меня так напрягли все эти косые взгляды и сочившееся по залу обидное "стригой", что я готов был застрелить любого, кто первый вякнет. Но когда передо мной появился волк... Не мог я стрелять в животных. Просто не мог – и всё.

– Володенька! – вместо нагоняя, шеф лучезарно улыбался. – Сколько зим, сколько лет!..

Мой новый знакомый встал и они обнялись. Алекс доходил рослому Владимиру макушкой до подбородка, так что со стороны это выглядело довольно забавно: будто дедушка обнимает внука.

– Я думал, ты приедешь один, – заметил Алекс, когда все успокоились и расселись. Барменша вновь выплыла из-за стойки, держа теперь в каждой руке под две литровые кружки пива. Подмигнув лиловым глазом, она поставила их на наш столик. Блузка у неё при этом распахнулась... Нет, честно: у меня голова была меньше, чем каждая из её грудей.

– Кадет, – окрик был, как ушат воды на голову. – Перестань пялиться на даму.

Барменша громко расхохоталась. А затем обняла меня одной рукой за плечи, и проговорила ленивым басом:

– Не кричи на малыша, Альхен. Мне даже приятно... – и она потёрлась о мою щеку боком груди.

По-моему, я покраснел. Несмотря на отсутствие меланина, нехватку кровяных телец и прочую муру, щеки мои запылали, как пионерский галстук. Схватив ближайшую кружку с пивом, я погрузил нос в ароматную пену.

Барменша довольно расхохоталась, и прижалась ко мне снова.

– Ты приходи ко мне, зайчик, – шепнула она прямо в ухо. – Тебе здесь всегда рады...

И удалилась. Неторопливо и победно. Как крейсер Аврора, только что расстрелявший Зимний.

– Вы понравились Жоржетте, – прищурился Владимир. – А это дорогого стоит.

– Зато кроме неё я здесь никому не нравлюсь, – вздохнул я.

После демонстрации, устроенной барменшей, враждебных взглядов поуменьшилось, но аура настроенности всё ещё висела в воздухе.

– Экий ты нежный стал, кадет, – крикнул Алекс. – Срамишь меня перед державами...

– Не кручиньтесь, молодой человек, – не обращая внимания на Алекса, утешил Владимир. – Ну подумаешь – стригой. У всех свои недостатки.

И он многозначительно покосился на вернувшегося Митроху. Выглядел парень точно так же, как до перекидывания, только был босиком.

– Обуйся, горе ты моё, – буркнул Владимир. А потом посмотрел на Алекса. Последовал безмолвный обмен информацией, из которого можно было вынести, что ученики – те ещё занозы в заднице.

– Так что привело вас в Петербург? – наконец спросил шеф. Вслух. – Поначалу я решил, что ты просто соскучился, но увидев твоего спутника...

– Это мой клиент, – пояснил Владимир, отпивая из кружки. На верхней губе его образовались пышные усы из пены, и он промокнул их белоснежным платком. – Точнее, сын клиента. Я его охраняю. И раз уж мне пришлось ехать к тебе, пришлось взять парня с собой.

– Так что случилось, мой друг? – Алекс тоже пригубил пива. Слегка. И никакой пены на губе у него не осталось.

– В Москве кто-то убивает оборотней, – вздохнул Владимир. – И нам нужна твоя помощь.

Глава 2

– Значит, мы едем в Москву? – спросил я, когда мы с Алексом подъезжали к дому.

Новый знакомый Владимир с нами ехать отказался: обещал мол, подопечному Питер показать. Было около трёх пополудни, когда мы вышли из Заупокоя. Шеф послал меня подогнать Хам, и последнее, что я помню – высокая фигура в кепке идёт посреди пустого проспекта, ведя на поводке громадного волка...

– Давненько я не бывал в первопрестольной, – довольно улыбнулся шеф. – Погреться на солнышке – там уже сирень цветёт. А какие ночные экскурсии...

– Вы имеете в виду, – осторожно спросил я. – Те же экскурсии, что и здесь?

Алекс сел прямо и посмотрел с предубеждением.

– Нет, блин, Третьяковки я давно не видел.

– Ага, ага... – я понятиливо покивал. На самом деле, ничего не понимая... – А Владимир – это тот, о ком я думаю?

– Володя – это Володя, – отрезал шеф. – Что бы ты там себе не думал. Паркуйся давай, на Сапсан опоздаем.

Кроме прочего, новый знакомый снабдил нас билетами на поезд. Отправление – пять сорок пять утра.

Это означало, что ни сегодня, ни вообще в ближайшее время с Мириам я поговорить не смогу...

– Не переживай, мон шер, – Алекс похлопал меня по плечу. – Всё образуется, – он словно бы угадал мои мысли. – В Сапсане мы с тобой позавтракаем... Говорят, у них там чудесный вагон-ресторан. Потом – поспим. А когда проснёмся – всё будет по-другому. Это я тебе обещаю.

Особняк по ночному времени был пуст, так что ни расспросов, ни разговоров. Мы быстро собрались – Алекс успел черкнуть пару строк девочкам, прилепив послание магнитиком на холодильник, – и вновь вышли на крыльцо, ожидая такси.

Закурили. Я меланхолично подумал, что надо бы запастись сигаретами, а потом вспомнил, что в Сапсане курить нельзя. Огорчился. А потом огорчился ещё раз – месяц назад меня, как некурящего, такие вопросы попросту не волновали...

– А что, в каждом городе есть свой... экскурсовод?

Время тянулось медленно. А мной овладел "дорожный мандраж". Хотелось уже сесть в вагон, ощутить стук колёс, равномерное покачивание поезда, спросить у проводницы чаю и смотреть, смотреть в окошко на пробегающие поля...

– У нас это называется дознаватель, – к ногам Алекса жался некрупный саквояж, в котором помещались разве что бритвенный прибор и пара белья. – А вообще... – он пожал плечами. Слово бы говоря: монстрам без разницы, где жить: в столице, или провинциальном Бобруйске.

– И что они... так же, как мы с вами?

– По-разному, – пожал плечами шеф. – В меру фантазии.

Признаться, до конца я этого так и не понял. Из полунамёков и оговорок выходило, что некоторым из ныне живущих – таким, как Гиллель, отец Прохор и мой непосредственный начальник – век отпущен гораздо более долгий, чем другим.

Впрочем, в живучести шефа я убедился сам. Я видел, какую рану оставил в его груди Лавей. Я точно знал, что с такими ранами не живут. И тем не менее – факт. Про святого отца я вообще не знаю, что и думать... Там, в подземелье, мне явственно виделась высокая, чуть

сутулая фигура глубокого старца, с бородой, в монашьей скуфейке... Но это была всего лишь тень на стене.

Раздался громкий в ночи шорох шин, и такси призывно мигнуло зелёным маячком. Мы спустились с крыльца.

– Погодите, – я вдруг понял, что не давало мне покоя. – А как же мы без оружия? В поезд-то поди, с пистолетами не пустят...

– Про пистолеты не твоя забота, кадет, – успокоил шеф. – Надеюсь, ты свои дома не оставил?..

– Обижаете.

– Об остальном не беспокойся.

Я поёжился. Как-то стрёмно выходило. Чужой город. К тому же – раза в два больше, чем наш... Чужие улицы, неведомые опасности... А мы – словно голые. Револьвер и два пистолета – курам на смех.

– Поедем с комфортом, – сообщил Алекс, когда такси оставило нас у терминала Московского вокзала. – Совет расщедрился на первый класс.

– Совет?

Я не слушал, о чём разговаривали шеф с Владимиром в пивной. Думал о Мириам, несколько раз пытался дозвониться... К тому же, часть моего внимания занимал вервольф Митроха. От него шла волна незнакомой силы, и я много времени потратил на попытки определить: нравится она мне, или нет.

– Строительная компания "Семаргл инкорпорейтед". Одна из крупнейших на рынке недвижимости. Руководитель и основной держатель акций – Пантелей Митрофанович Лесной. Совет поручил нам разобраться с небольшой проблемкой, возникшей с этой компанией.

Пройдя через просторный, ярко освещённый холл, мы вышли на перрон. Стрела поезда, бело-синяя, с хищным заострённым носом, уже принимала пассажиров.

Алекс показал билеты, и проводник – парень просто таки модельной внешности – подобоострастно склонившись, указал направление.

– Вот он, ваш вагончик, – залебезил он перед шефом. – Ножку извольте на приступочку поставить, а уж я вас поддержу... – проводник попытался ухватить его за локоток.

– Ручку убери, родной, – в тон посоветовал шеф проводнику. – Не терплю амикошонства.

Не раз я замечал, как определённого сорта люди ведут себя с Алексом. Запах, что ли, чувт?.. Ауру власти, уверенности в себе, присущую лишь потомственным аристократам? Впрочем, сам я никакого пиетета, кроме профессионального, перед шефом не испытывал.

Кресла были кожаные, кремово-серые. Между ними – столик на хрупкой с виду подставке. Титановый сплав? – подумал я мельком.

Посадочных мест было четыре, но соседей у нас пока не было. Так что разговаривать можно было свободно...

– Годовой доход Семаргла – двести миллиардов рублей. Сорок тысяч постоянных сотрудников, филиалы в Новосибирске, Томске, Москве и Перми, – продолжил шеф тоном лектора, устроившись в одном из кресел – по ходу движения. Мне же предстояло сидеть против. Не люблю, честно говоря. Но не собачиться же с ним...

– Позавтракать не желаете? – рядом возник тот же красивый бортпроводник. – Блинчики, запеканочка со сметанкой, чаёк...

Мне его заигрывания не нравились.

– Спасибо родной, – улыбнулся шеф. – Но мы лучше в вагон-бистро прогуляемся.

– Ну тогда... – растерялся холуй. – Не буду вам мешать?

– Не мешай, – великодушно разрешил Алекс.

Проводник испарился. На других пассажиров он не обращал никакого внимания...

– Почему он так перед вами пресмыкается? – спросил я. – Вроде нормальный парень.

– Передо мной? – делано удивился шеф. – Я тут совершенно ни при чём.

Я моргнул.

– А кто тогда?

Алекс закатил глаза, а потом фыркнул негромко, себе под нос.

– Посмотри на него внимательно, кадет.

– Но...

– Это приказ.

Вздыхнув, я послушался. Обернулся, высунув голову из-за спинки... Красавчик как раз помогал с багажом двум симпатичным девчонкам лет двадцати. Я стал рассматривать девчонку. В модных плащиках, перетянутых на осиных талиях, с одинаково распущенными по спине завитыми волосами, у одной – рыжими, у второй – чёрными. Девицы были умело накрашены – это в пять утра! На высоких шпильках... На шоппинг намылились, – не к месту подумал я. – В столицу.

– На проводника смотри, – напомнил шеф.

Я смутился. И наконец-то сообразил посмотреть на ауру парня. Этим умением я тоже овладел недавно. Антигона научила...

– Чёрт, – тихо сказал я и повернулся назад, к Алексу. – Он же суккуб.

– Ага, – осклабился шеф. – Писюньковый злыдень. Они часто проводниками устраиваются. Или билетёрами. Бортпроводник – тоже милое дело. Рейс, скажем, Москва – Симферополь. Длится полтора часа. Вот слетал он туда-обратно, пообщался с пассажирами: кому – подушечку поправил, кому – одеяльце... Насосался энергии – и сыт неделю. А если какой адюльтерчик перепадёт – то и на месяц.

– Но это же неправильно!..

– А ты хочешь, чтобы он жертву в тёмном переулке подстерегал? – перебил Алекс. – И выпивал сразу, досуха? – он посмотрел вслед проводнику. – Меньшее из зол, кадет: с сотни пассажиров – по капле силы. И волки сыты, и овцы...

– Но это же вампиризм.

– И что с того? Хочешь – проверь его документы. На учёте он где надо состоит, лицензию на кормёжку имеет... И дань платит исправно. Так что, пока он не совершит ничего противоправного – как Лавсей, например, никаких претензий к нему не будет. А этот, судя по всему, мальчик опытный. Как он тебя среди толпы выцелил.

– Меня?..

– Ну подумай хорошенько, – Алекс смотрел выжидательно. Словно я – младенец, который не может сложить два и два. "Кроха сын к отцу пришел"...

– Думаете, он почуял, что я – стригой? То есть, в каком-то смысле, его... собрат? – изнутри начала подниматься волна тихого бешенства. – Но ведь я не такой! Я ни от кого не питаюсь. Я...

– Но ведь мог бы. Верно? – Алекс говорил спокойно, в глазах его, льдистых и синих, как стылое небо, бежали облака.

– Нет, – я откинулся на мягкую спинку кресла. – Нет. Нет, нет, нет...

– Отрицание не отменяет фактов, – заметил шеф. – Сколько волка не корми...

– Ко мне это не относится, – вскочив, я навис над шефом. – Понятно? Я – не такой.

Ничего не видя, я пошел вдоль кресел к тамбуру. До отправления поезда оставалось три минуты – сознание отметило, как об этом говорили по радио. Но в этот момент мне было всё равно.

Перед глазами встало лицо Лавея. Лысый бугристый череп, глубоко посаженные глаза, в которых плещется безумие фанатика. Бледные костистые руки с неправдоподобно длинными пальцами. Истерический хохот...

И без всякого перехода – вспышка серебра по глазам. Бритвенно острая, ослепляющая. Колени упёрлись во что-то твёрдое – я вновь находился в тесном пространстве. Чувствовал, как пальцы бессильно, до крови, царапают внутреннюю сторону крышки, как затылок судорожно бьётся о плоский подголовник. Стало душно. Воздух вокруг меня сгустился, помертвел, наполнился острыми осколками...

И вдруг отпустило. Нет, не так: вдруг мне сделалось хорошо. Голова очистилась, плечи распрямились сами собой, в ногах появилась упругая бодрость...

– Отправляемся, – совсем рядом, прямо над ухом сказал знакомый голос. – Вы должны занять своё место.

Проводник держал руку на моём плече, и через неё, как по шлангу, в меня текла энергия. Она была похожа на золотой поток шампанского, искристый, с пузырьками и воздушной пеной. Мне стало покойно и радостно, все тревоги и печали ушли, осели на дно души невидимым облаком. Это было чудесно. И в то же время...

Собрав все силы, я оттолкнул его руку и отодвинулся. Парень встревоженно округлил глаза.

– Что-то не так, Мастер? – красивое лицо исказилось от усилий угодить.

Мастер?..

– Всё... всё в порядке, – я не мог смотреть в его круглые, по-собачьи преданные глаза. – Занимайтесь своими обязанностями.

Не оглядываясь, я пошел по проходу назад, на своё место.

После того, как я оттолкнул руку суккуба, золотой поток энергии прекратился. Но ощущение силы, здоровья, сытости – осталось. Словно я не бегал по подворотням всю ночь напролёт, а отлично выспался в своей постели.

Алекс смотрел в планшет. Телефоном он не пользовался принципиально. Говорил, что сама концепция того, что его, в любой момент, может кто-то достать – пугает и настораживает. Но с планшетом, подключенным к интернету, почти не расставался.

– В данный момент Семаргл строит большой торговый центр в Подмосковье, – будто я никуда не уходил, сообщил шеф. – Но строительство застопорилось. Сначала – из-за того, что со стройки пропало несколько рабочих. Их нашли мёртвыми в своих постелях. Затем мор перекинулся на старшее звено сотрудников, а потом – и на руководящий состав.

Вагон тронулся настолько плавно, что я заметил движение, лишь посмотрев в окно.

– Владимир сказал, что это проклятье, – я припомнил то небольшое, что долетало до моих ушей в ночной забегаловке.

– Официальная версия – убийства, – поправил шеф.

Я усмехнулся.

– Шило, то бишь, убийство – в мешке не утаишь.

– Прессе отвалили столько денег, что не грех и помолчать. Во всяком случае, на официальных сайтах я ничего не нашел, – Алекс вновь склонил голову над планшетом.

– Суккуб назвал меня Мастером, – выпалил я.

Шеф оторвал взгляд от планшета, посмотрел сначала вдоль вагона, затем – на меня.

– Ну что ж, он просто признал твоё превосходство. Ты для него – Мастер. Молодой, неоперившийся, но...

– И он поделился со мной силой. Просто положил руку мне на плечо, и...

Алекс кивнул.

– Это тоже закономерно. Знак подчинения. Покорности. Шакалы всегда уступают лучшую часть добычи льву.

– Но я ни о чём не просил.

– Зато нуждался. И он это увидел. И был обязан соблюсти... протокол. Его могли бы наказать, если б он этого не сделал.

– Кто?

– Сейчас это не важно.

Я вновь начал закипать. Спокойствия, полученного от суккуба, хватило ненадолго.

– Почему вы от меня всё скрываете? – повысив голос, я понимал, что переступаю рамки приличий. Проще говоря – нарываюсь. Но какая-то часть меня хотела этого. Хотела противостояния, конфликта – выплеснуть ярость, дать себе волю... – Почему вы не сообщаете мне всего, что я должен знать?

– Потому что личный опыт – лучший учитель, – спокойно ответил шеф. – Потому, что Расскажи я тебе об этом дома, за чашкой чаю – ты бы не поверил. Отмахнулся бы. Задвинул в самый дальний уголок мозга и постарался забыть. И как следствие – оказался бы в опасности. Ты же у нас – Фома неверующий. Всё тебе надо попробовать на зуб, испытать на своей шкуре. Вот и пробуй. Приятного аппетита.

Я промолчал. Умом я понимал, что Алекс прав. Лучше один раз пощупать, чем сто раз услышать... Да нет, прав он.

Но чувство горечи не уходило, несмотря на все логические рассуждения. Я – урод. Наверное, в известной степени, даже не человек. Скорее всего, мне предстоит убивать таких, как я...

Конец вагона вдруг начал сжиматься. словно он был сделан из фольги, словно его, как стаканчик от мороженого, мят в кулачке гигантский младенец. Я моргнул. Протёр глаза. снова моргнул...

Не помогло. Конец вагона сжался до точки и начал вытягиваться, словно резиновый. Одновременно он загибался вверх.

Где-то далеко, на грани слышимости, играла музыка. Простенькая мелодия, семь нот, три аккорда. Но такая навязчивая, что от неё ныли зубы.

– Алекс!.. – не в силах говорить, я просто показал пальцем шефу за спину. Шеф обернулся удивлённо, но тут же вскочил.

– Где проводник?

– Не знаю...

– Найди его, быстро!

Но парень уже бежал к нам по проходу меж кресел.

– Там... Там... – проводник позеленел от страха. Губы у него дёргались, глаза были бледные и бешеные.

Его реакции я испугался больше, чем свернувшихся в струну вагонов. Всё просто: судя по пейзажу за окном, поезд продолжал двигаться. Остальные пассажиры тоже были спокойны: никто не вопил, не кидался в панику, не показывал пальцем... Значит, происходящее видим только мы, трое. Впрочем, это не значит, что всё в порядке и ничего не происходит.

– Где? – Алекс взял проводника за лацканы жилетки и легонько встряхнул. – Где он?

– В плацкартном, в самом хвосте, – губы у парня всё ещё прыгали, но зелень с лица сошла.

– Веди, – Алекс подхватил саквояж.

– Двери заблокировались, – проводник затряс головой, словно ему в ухо попала вода. – Аварийная ситуация...

Я ещё раз взглянул на немногих пассажиров первого класса. Все сидели спокойно, надев наушники и уткнувшись в смартфоны. Поезд чуть заметно покачивался.

– Выбивай окно, кадет, – скомандовал шеф. – Надо попасть в плацкартный вагон.

– Стекло пуленепробиваемое, – робко заметил проводник.

– Ничего, – Алекс похлопал парня по плечу. – Как-нибудь разберёмся.

– Люди всполошатся, – сказал я, глядя на пассажиров.

– Люди ничего не заметят, – отрезал шеф. – Приступай.

Пожав плечами, я пробрался к окну и стал ощупывать его пальцами. Не знаю, получится ли выдавить стекло, как в автобусе... вряд ли всё так просто.

Простучав поверхность, я наметил точку и ударил. По вагону пошел гул, но как и обещал Алекс, никто даже не почесался. Тогда я ударил со всей силы – приставив к стеклу подушку, взятую из кресла.

С третьего удара стекло подалось. Оно покрылось мелкой сеткой трещин и выпало одним куском.

– Силён, брат, – уважительно хмыкнул шеф. – Напомни, чтобы я никогда не соревновался с тобой в армреслинге.

В вагон ворвался ветер. Он принёс запахи мокрого леса, прелой травы и полыни. Я поёжился: на такой скорости ветер почти сбивал с ног.

Он выл между кресел, взметал волосы пассажиров, нёс пустые пакеты и прочий мусор – но никто так и не пошевелился.

– Что с ними? – спросил я встревоженно. – Почему они не реагируют?

– Потому что только паники нам и не хватало, – буркнул шеф. – Не парься, не твоя это забота. Лезь в окно.

– Я?..

– А кто? Мама твоя, что ли? Ты зачем стекло выбивал?

– Вы приказали.

Стало стыдно. В экстремальной ситуации я полностью доверился шефу, отключив мозг... На меня это не похоже.

– Ладно, хватит лясы точить, – Алекс подтолкнул меня к окну. – Лезь уже, я за тобой.

– Вы не удержитесь на крыше, – шеф, как ни крути, обычный человек...

– Поговори мне ещё, – и Алекс, протиснувшись мимо меня, ловко втянулся в окно.

– Удачи, – тихо сказал проводник, и на миг вновь прикоснулся к моему плечу. На меня будто опрокинули ведро горячей воды. Волосы на затылке встали дыбом. Я хотел рывкнуть на парня, чтобы не распускал руки, но вместо этого просто кивнул.

– Спасибо, – сказал я и втянулся в окно вслед за шефом.

Ветер бил, словно кувалдой. В ушах свистело, дышать было трудно. Словно воздух превратился в патоку.

Держаться было практически не за что – снаружи вагоны были гладкими, обтекаемыми. Как пули. Но Алекс каким-то образом уже добрался до крыши, я видел только его ноги, обутые в чёрные туфли.

– Если смог он, значит, смогу и я...

Перебрасывая себя от одного выступа к другому, я вскарабкался на крышу и распластался рядом с шефом.

Голова поезда вытягивалась в небо сужающейся спиралью. Секунду я, будто загипнотизированный, не мог отвести глаз от этого зрелища. Сине-белые вагоны казались бусинами, нанизанными на стальную нитку рельс...

Это морок, – пытался убедить я себя. – Поезд не сошел с рельсов, и никто, кроме нас, этой спирали не видит...

И ещё один момент: на крышах вагонов виднелись плоские люки. Вентиляция, – понял я. Кондиционеры... И какого чёрта мы рисковали, выбираясь через окно?

Алекс осторожно, балансируя руками, поднялся и присел на корточки. Затем одним движением вздёрнул себя вверх и сразу побежал. Я – за ним.

Бежали мы в хвост поезда, поэтому ветер бил в спину. И с вагона на вагон перепрыгивать не пришлось: в Сапсане тамбуры сплошные, соединяют вагоны "гармошкой" из гибкого полимера.

Честно говоря, боялся я страшно. Земля была удивительно далеко, и неслась мимо со страшной скоростью. Если я поскользнусь, – думал я на бегу, – даже в пакетик собирать будет нечего...

В небе клубились подсвеченные розовым облака.

– Это здесь, – сказал Алекс и присел на корточки возле тонкого шва люка.

Слов я не услышал, их моментально унёс ветер. Но и по губам было понятно.

Подцепив пальцами, я оторвал стальной лист и отбросил его назад. Внутри оказалась мешанина шлангов, проводов и пластиковых перегородок – промышленный кондиционер. Вырвав часть этих кишок, я расчистил достаточно места, чтобы протиснуться внутрь.

Алекс, достав револьвер, полез первым.

Посмотрев в последний раз на вагоны, штопором уходящие в небо, я прыгнул следом.

Здесь было тихо. Обычный вагон, с обычными сиденьями. Поуже, чем в первом классе, да и обивка поскромнее. Народу гораздо больше. По коридору между сидений бродил бесхозный ребёнок в желтом вязаном свитере с Микки-Маусом.

На нас чадо посмотрело без интереса – словно мы не спустились буквально с неба, а просто встали с кресел, чтобы попить водички из кулера.

– Вы наводите морок, – шепнул я шефу.

– И как ты догадался?

– Научите?

– Если будешь хорошо себя вести.

И он уверенно пошел по проходу. Лопухий пацан в свитере, пропустив нас, устремился следом.

Скучно ему тут, – подумал я. – Маманя телефон отобрала, чтобы в игрушку не пялился, вот ребёнок и мается.

Мелодия, которую я слышал ещё в своём вагоне, здесь играла довольно громко. Радио? Но я тут же понял, что ошибся.

Музыка шла из динамика в виде Пикачу, подвешенного к рюкзаку пацана лет двенадцати. Тот сидел один, несмотря на то, что вагон был забит, и безучастно пялился в окошко.

– Это он, – сказал Алекс и резко повернулся к мальчишке спиной.

– Вот этот пацан? – моему изумлению не было предела. – Он ведь даже ничего не делает.

– Эта его музыка, – прошептал шеф. – Она создаёт вербальное воздействие. Пока это только иллюзия, но если её чуток усилить – всё станет по-настоящему.

- Музыкальный ряд может искривлять пространство?
- Заклинание. Пока что выраженное в нотах, а не в словах. Но не дай Бог ему добавить к музыке Слово... – Алекс исподтишка оглянулся, и бросил короткий взгляд на пацана. – Если он заговорит – стреляй.
- Вы с ума сошли?.. Не буду я стрелять в ребенка.
- А ты предпочтёшь гибель всего поезда?
- Но должен же быть выход. Можно попробовать договориться.
- Дети – народ трудный. Парнишка может заартачиться. И тогда...
- Я стрелять по детям не буду, – я затряс головой, как давеча проводник. – Что хотите делайте.

Мальчишка, казалось, ушел в себя. Глаза его бездумно скользили вслед убегающему пейзажу, руки спокойно лежали на коленях. Ногти на пальцах были обкусанные, с траурными каёмками. Джинсы видали лучшие годы, кроссовки – тоже. Шнурки были завязаны кое-как, их концы топорщились размухрёнными нитками. Курточка куцая, из рукавов торчат худые запястья. Стрижка неровная, светлые вихры топорщатся в разные стороны.

- Ладно, стой, где стоишь, – буркнул Алекс. – Всё приходится делать самому...

Глава 3

Вытащив револьвер, Алекс шагнул к мальчишке. Я просто не успел ничего сказать, ничего сделать... Миг – и он сидит рядом в соседнем кресле. Револьвер прячется за полкой пиджака.

– Привет, – сказал Алекс. Пацан нехотя, будто его оторвали от важного дела, повернул голову. – Да вот спросить хотел: что это у тебя за музыка?

– А вам-то что?

– Да так... Мелодия понравилась, – шеф небрежно пожал плечами. – Вот, хотел узнать, откуда она у тебя.

– Это мой трек, – буркнул пацан, будто ждал, что сейчас его поднимут на смех. – Я сам придумал. И засемплил тоже сам.

– Круто, – похвалил шеф. – Да у тебя талант...

Три простеньких аккорда впивались в мозг, словно бензопила. От них ныли зубы, свербело в ушах, и в то же время... В то же время их хотелось слышать снова и снова.

– Сколько ты хочешь за свой трек? – вдруг спросил шеф.

– Что? – мальчишка нажал кнопку на динамике. В вагоне повисла звенящая тишина.

Я скорее почувствовал, а не увидел, как пространство развернулось. Спираль поезда выпрямилась, рельсы легли на место, горизонт принял свой обычный плоский вид... И всё сделалось по-прежнему.

В вагон, через окна, ударило солнце. Раньше его не было. Стоял сумрак, словно в аквариуме, словно вагон плыл глубоко под водой... Я этого не замечал, или не придавал значения, но сейчас, когда "Сапсан" словно бы вылетел из воды и в окнах заиграло солнце – понял, насколько сильно всё было не так.

Алекс перевёл дух и словно бы невзначай, словно хотел поправить рюкзачок, провёл рукой по ляжке и снял динамик. А потом сунул его в карман.

Чадо в желтом свитере удивлённо моргнуло, повернуло голову – солнце, бьющее в окно, сделало его уши прозрачно-розовыми – и равнодушно вернулось к ковчегу в носу. Раздался строгий окрик, и ребенок нехотя удалился. Его позвала мама.

– А хочешь, я тебя с продюсером познакомлю? – неожиданно спросил шеф. – Он из тебя звезду сделает.

– Не хочу я быть звездой, – угрюмо буркнул мальчишка. – Я хочу денег заработать. Самостоятельным стать.

– Так ведь это оно и есть, – соблазнял шеф.

– А вот и врётё вы всё, – мальчишка упрямо мотнул головой. – Продюсер – это значит контракт на несколько лет, и все бабки уйдут студии, а мне копейки.

– Экий продвинутый нынче пошел малец, – почесал в макушке шеф. – Ладно, хрен с ним, с продюсером. Но тебе учиться надо. Это ты понимаешь?

– В Гнесинку я по возрасту не прохожу. Да и не нужна в наше время эта учёба.

– Но став образованным человеком, ты можешь многого добиться, – увещевал шеф.

– Я и так всего добьюсь, – буркнул пацан. – На учёбу только время тратить. В жопу её.

И он вновь отвернулся к окну. Алекс беспомощно посмотрел на меня – я пожал плечами. Не умею я с детьми. Вот хоть убейте – не умею.

– Ладно, а если я тебе скажу: то, что ты делаешь – это магия?..

Я икнул. Шеф пошел ва-банк. Рискованно.

Пацан медленно повернул голову к Алексу. На щеках его горели красные пятна.

– Вы видели, – сказал он побелевшими губами.

– Да, – кивнул шеф. – Видели. И я тебе скажу: было очень страшно.

– Йес! – мальчишка подпрыгнул на сиденье, в глазах его загорелся победный огонь. – Я знал! Я им говорил! А они...

– Тебе больше нельзя этого делать, – холодно и жестко сказал шеф.

– Но... Почему? – в лице мальчишки появилось что-то от грызуна. Мелкое существо, которое загнали в угол.

– Ты глупый, самонадеянный, и совершенно не представляешь, к каким последствиям может привести твоё баловство. А учиться ты не хочешь, – шеф посмотрел на меня. – Сашхен, выведи его в тамбур, сверни шею и выброси из поезда.

Глаза у пацана стали огромными, чёрными от расширившихся зрачков. Губы вытянулись в ниточку. Он потянулся к динамику на лямке, не нашел, и судорожно принялся дёргать замок. Шеф перехватил его руку и крепко сжал. Другой рукой он подхватил рюкзак, и переложил себе за спину.

– Отдайте, – на пацана было жалко смотреть. Его трясло, бледные лапки сжались в кулачки, но глаза смотрели упрямо и с вызовом.

– Извольте следовать за моим сотрудником, милостивый государь, – всё так же холодно сказал Алекс и бросил предупреждающий взгляд в мою сторону. Я поперхнулся.

Честно: я хотел уже попросить, чтобы он оставил мальчика в покое – в крайнем случае, отобрать у него рюкзак... Конечно, это нашему горю не поможет, но сворачивать шею ребенку? Это круто даже для моего шефа.

Он же его просто пугает, – сказал я себе. – Хочет заставить прислушаться...

И я протянул руку.

– Идёмте, молодой человек.

– Я закричу.

– Никто тебя не услышит. Как никто, кроме нас, не слышал твоей музыки, – равнодушно пожал плечами шеф. – Думаешь, ты один такой хитромудрый? – спросил он вдруг совершенно другим тоном. – Тогда хорошенько подумай: а откуда взялись мы?

– Давай, поднимайся, – подтолкнул я.

– Подождите, – сказал пацан. Ни мольбы, ни слёз в его голосе не было. Только решимость. – Если... Если я соглашусь учиться. Если... Не буду... заниматься баловством?..

– Ну не знаю, – шеф положил руку на спинку кресла, пиджак его распахнулся и стала видна рукоять револьвера. Мальчишка сглотнул.

– Пожалуйста, – тихо пискнул он. – Я обещаю.

...Москва встретила неистовым солнцем, отчаянной трескотнёй воробьёв и по-весеннему бодрыми гудками автомобилей.

– Сейчас найдём извозчика, – обнадёжил шеф, выходя с Ленинградского вокзала.

Детский рюкзак с динамиком в виде Пикачу болтался на локте у Алекса, его рука покоилась на плече Миши Седова.

Я шел сзади, неся свою сумку и саквояж шефа.

– Что в Москве никогда не переведётся, так это таксисты, – Алекс поднял руку и к нам тут же подлетела "мазда" вишнёвого цвета.

Открыв переднюю дверцу, шеф назвал адрес и махнул нам садиться. Пацан уже полностью очухался от испуга. В глазах его появился новый блеск: ожидание неведомых приключений, новых возможностей, и главное – уверенности в себе.

Важнее, чем угрозы, для него сейчас был тот факт, что его оценили по достоинству. Поверили в его силы, и даже – немного боятся... А страх смерти для детей – концепция абстрактная. Она где-то далеко, и случается только с другими, незнакомыми людьми.

Миша Седов был счастлив.

– Будешь учиться в спецшколе, – сказал Алекс перед тем, как сойти с поезда. – С матерью договорится директор, за учёбу платить не нужно. Жить будешь там же, так что отчим тебя больше не тронет.

– А прогуляемся по Арбату, – предложил шеф, когда мы оставили пацана знакомиться с новым домом.

Хорошо, что дети быстро привыкают...

Мы пошли по красной брусчатке, мимо лавочек, облюбованных туристами, мимо художников со своими вечными мольбертами, мимо лотков, с которых продавали всякую мелкую всячину, от самодельного мыла до фальшивых кавказских кинжалов.

– Не знал, что существуют такие школы, – заметил я. Мимо прошествовала крупная японская тётенька с громадным объективом на пузе, и нам пришлось разойтись в стороны, чтобы её пропустить.

– Это не в прямом смысле школа, – поморщился Алекс. – Скорее, специнтернат. Для особо опасных малолетних преступников.

Я вспомнил ощущение силы, окружившее неприметный многоквартирный дом.

– То есть, вы не шутили: если бы он не пошел по своей воле, пацана пришлось бы убить? – я почувствовал, как холодный пот течёт между лопаток.

– С детьми лучше всего работает правда, – кивнул шеф. – Ложь они чувствуют за версту. К тому же, теперь у него отличная мотивация хорошо учиться.

– То есть, это не навсегда?

– Ну разумеется, – Алекс улыбнулся, пропуская симпатичную барышню в коротеньких шортиках. – Поймёт, что его талант – это в первую очередь оружие, научится контролировать... А там – посмотрим. Печально, конечно, что сам он не сможет исполнять то, что сочиняет. Но так, по крайней мере, мир не потеряет великого композитора.

– Стало быть, главное – чтобы он не играл свои сочинения сам?

– В исполнении автора любое произведение становится лучше, полнее – ты согласен? А значит, производит наиболее разрушительный эффект.

– Но вы же свои стихи читаете.

– Только не в трезвом уме и доброй памяти, а так, по пьяному делу, – строго сказал Алекс. – И стихата самые позорные, писанные между делом. Не всерьёз. В основном, в альбомах бывших любовниц, да на салфетках в ресторанах... Малец вот случайно сочинил ману, и произвёл, – шеф пошевелил пальцами в воздухе. – Вербальное воздействие. Сам видел, что из этого вышло. Представь теперь, что будет, если я... Впрочем, это уже не важно. "Он больше прекрасных стихов не писал, он стал властелином вселенной" – это были последние стихи, написанные моим другом Колей. Про меня. Про нас всех.

Офис Семаргла находился в Москва-сити, в отдельном, принадлежащем корпорации небоскрёбе. Стекло и бетон. Перед входом – бронзовая скульптура крылатого волка, величиной со слона.

– И даже не маскируются, – пробормотал Алекс.

Зверь припал к земле, готовясь к атаке. Зубы его были оскалены, клыки – длиной с мою руку. Под лапами бронзового хищника спокойно ходили люди. В его тени был даже устроен небольшой фонтан. Невысокие борта фонтана сплошь были заняты одетыми в серое клерками. Затянутые в узкие костюмчики, клерки скромно поедали бургеры и мясо по-каррски, из прозрачных пластиковых упаковок.

– Обед однако, – искательно произнёс я. От запаха мяса, поедаемого в непосредственной близости, кружилась голова.

– Вот встретимся с клиентом, потом и пообедаем. А мыслить лучше на голодный желудок.

И Алекс решительно шагнул в тень, отбрасываемую волком.

Впрочем, для встречи с клиентом было выбрано совсем другое место. "ТрактирЪ Первой гильдии купца Пугасова" – гласила деревянная вывеска над домиком из финского бруса, имитирующего старославянскую избу.

– Ну-ну... – скептически произнёс шеф, когда дверь трактира распахнул половой в красной шелковой рубахе.

Генеральный директор строительной фирмы с оборотом в двести миллиардов рублей сидел на голой лавке и хлебал щи. Ложка у него в руке была деревянная, с тонким отполированным краем и богато украшенной резными узорами ручкой. В наверхье ручки была всё та же стилизованная голова волка...

Забавно, но примерно так я его себе и представлял: крупный дядька с плечами недавно завязавшего борца. Волосы длинные, стянуты в тугий хвост на затылке. Борода – перец с солью. Лицо румяное, мощное, из таких, что можно разглядывать бесконечно, следя за малейшими перепадами в мимике... Глаза – желтые, как у рыси.

Одет Пантелей Митрофанович Степной был в косоворотку ручной работы. Раньше такие попросту называли домоткаными... Что было ниже, я не видел, но на руке, которой он держал ложку, красовались часы. Марки я не узнал, но на вид, за их стоимость можно было купить весь этот трактир, вместе с хозяином и службой.

Рядом с ним сидел тип, про которого можно было сказать, что в обстановку тот не вписывается от слова "совсем".

Модный зауженный итальянский костюм, бриллиантовая булавка в галстук, а чтобы купить такую рубашку, мне, скорее всего, пришлось бы продать все драгоценные первоиздания. И попросить займы у шефа.

Тип был гладко выбрит, стрижку имел модельную, с короткими висками. Он меланхолично ковырял какой-то зелёный салатик.

И только в наклоне головы, в хищном прищуре глаз, в манере кривить губы, поднося ко рту новый кусок, мелькало сходство.

Родственник. Очень близкий, скорее всего – сын.

Вспомнился молодой вервольф Митроха.

Тоже из их компании, – определил я.

– Садитесь, люди добрые, – широким жестом предложил глава корпорации. – В ногах правды нету.

И продолжил хлебать щи.

Сын поднялся, вежливо протянул нам с Алексом руку, и сел обратно только после того, как мы устроились. Подобострастия в нём никакого не было. Была спокойная вежливость хозяина, встречающего гостей.

Я поймал себя на мысли, что вот он, младший Степной, отлично вписывается в стеклянно-бетонные корпоративные джунгли. Он – вписывается, а старший, матёрый самец с деревянной ложкой – нет.

Однако доход компании говорит за него лучше, чем любые внешние данные, – одёрнул я сам себя. Так что не надо судить по одежке.

Мы уселись – тоже на деревянную лавку, с жесткой спинкой. Стол, разумеется, был того же материала. Светлый дуб, если я не ошибаюсь. Красиво оструганное и любовно отполированное дерево словно светилось изнутри. Столешница была покрыта рушником с петухами, на котором был умело сервирован русский стол: сало в хрустальном блюде, с чесноком, с чёрным перцем, холодец, от которого шел терпкий запах хрена; отдельно – сметана, фаршированные мясным фаршем блины, копчёный окорок, нарезанный тонко, подобно лепесткам розы...

Скажу я вам, иметь превосходный нюх – та ещё канитель. У меня на глазах аж слёзы выступили. В поезде перекусить не удалось, да и с утра ещё маковой росинки во рту не ночевало... Честно говоря, я уже был готов наброситься на еду без всякого разрешения.

Пока мы усаживались, наш клиент доел щи, вытер ложку салфеткой, и отставил вместе с пустым горшком.

Кивнул парню в красной рубаше, и тот моментально притащил на вытянутых руках дымящийся самовар. Споро расставил чашки, блюдца, сахарницу с колотым сахаром, плошки с мёдом и вареньем, огромный таз имбирных пряников...

Я покосился на Алекса. Шеф сидел молча, небрежно закинув одну руку на спинку лавки, и заложив ногу на ногу. Можно было вообразить, что он устроился в мягком кресле, а не мается на жесткой, остервенело впивающейся в ягодицы, лавке.

– Не ожидал я, что до этого дойдёт, Алесан Сергеич, – крикнул старший Лесной, и потянулся к самовару. Тронул краник, в чашку хлынула дымящаяся струя кипятку. – Чтобы мне, в моей компании управляться мешали...

– Может, прекратим демонстрировать, кто здесь самый главный самец, и приступим к делу? – флегматично рассматривая ногти, спросил шеф.

– Отец очень рад вас видеть, – вставил младший. – И благодарен за...

– Я и сам могу поблагодарить, – рявкнул старший. – Если будет за что.

– Прости, папа, – глаза сына упёрлись в недоеденный салат.

– Старшой мой, – глазами указал Пантелей Митрофанович. – Генка. Заместитель, – слова он цедил неохотно. Словно выполнял данное кому-то обещание.

– Рад познакомиться, – Алекс приятно улыбнулся заместителю, и вновь перевёл глаза на директора. – Я так понимаю, вы не довольны тем, что ваше дело перешло в юрисдикцию совета?

– Мы, – тот навис над столом, почти опрокинув чашку с раскалённым чаем. – По разные стороны баррикад.

– Закон един для всех, – флегматично проговорил Алекс. – Я не могу его нарушать в той же мере, что и вы.

– Но решает, кто нарушил – Совет, – сказал директор, и раздвинул губы в улыбке. Или в оскале – клыки у него были крупные, желтоватые и очень острые. – И ты – как его подпевала.

– Так вы не нарушайте, – ласково посоветовал Алекс, тоже нависнув над столом. – И будет между нами мир и согласие.

Протянув руку к блюду, шеф взял самый верхний пряник, и откусив, начал жевать. Смотрел он при этом в глаза вервольфа, не отрываясь. Желтые, почти звериные, глубоко утопленные под надбровные дуги...

Но вот глава корпорации мигнул, и глаза его стали совершенно обычными, светло-карими. Клыки будто втянулись. Даже аура силы, агрессии, казалось, развеялась, уступив место простому человеческому беспокойству.

– Добре, – старший вервольф упёр широкие ладони в столешницу. Та жалобно скрипнула. – Владимир посоветовал сотрудничать – а ему я доверяю, почти как себе. Рассказывай, – приказал он сыну.

– Два месяца назад мы начали строительство нового торгового центра, – тут же начал Геннадий. – Самого крупного в области. Кроме магазинов там должен быть аквапарк, три кино-театра, спортивные площадки и боулинг.

– Деньги вложены немалые, – кивнул директор.

– Но самое главное – наша репутация, – продолжил младший. – Мы всегда выдерживаем сроки, строим качественно, материалов не жалеем...

– Но? – подтолкнул Алекс. – Что же пошло не так?

– Когда рыли котлован, наткнулись на кладбище, – опустив глаза, сказал сын.

– Кладбище? – поднял брови шеф. – Очень интересно.

– Его не было на картах, – буркнул отец. – Мы – фирма солидная. Всё перенюхали, носом землю рыли.

– Погост очень старый, – добавил сын. – Минимум триста лет. – О нём давно все забыли.

– Стройку сразу свернули, – рубанул по столу ладонью вервольф-отец. – Нам репутация гробокопателей ни к чему.

– Убытки просто чудовищные, – глядя в сторону, почти про себя, сказал Геннадий. – А всего-то – десяток могил. Могли перенести на другое место...

Ага, – отметил я. – Значит, заместитель с решением директора не согласен.

– Ну так в чём проблема? – спросил Алекс участливо.

Люди всегда лгут, – говорил шеф. – Даже когда от этого зависит их жизнь. Особенно, когда зависит. Они будут изворачиваться, путаться в показаниях – и не потому, что виноваты. Просто такова человеческая натура.

Интересно, насколько психика вервольфов соответствует человеческой? – подумал я. – Где у них кончается зверь, и начинается человек?

– На следующий день после того, как экскаватор вырыл первую кость, начали гибнуть люди, – сказал директор.

– Всего-то несколько работяг, – еле слышно фыркнул заместитель. – И далеко не факт, что виновато в этом кладбище. Один попал под машину, другой отравился угарным газом. Третий – хватил технического спирту...

– Нашу стройку тут же обозвали Проклятьем Тутанхамона, – поморщился Пантелей Митрофанович. Персонал не разбежался лишь потому, что мы, в Семаргле, придерживаемся семейных традиций. Мы заботимся о людях.

– Семьям жертв были выплачены солидные компенсации, – официальным тоном сообщил Геннадий.

И оба, отец и сын, вновь замолчали.

– Но ведь этим дело не ограничилось, – вновь терпеливо подтолкнул Алекс.

Он привык. Умел разговорить собеседника, участливо выслушать. Это меня бесит глупость человеческая. Не научился ещё.

– За первыми последовало ещё пять смертей, – сказал заместитель. – Среди людей, казалось бы, к строительству отношения не имеющих. Одна бухгалтерша, два менеджера, водитель служебной машины и начальник проектного отдела.

– Сроки? – спросил шеф.

– Все – за неделю, – выдохнул Пантелей Митрофанович. – Словно мор какой-то.

– Да никакой не мор, – Гена заводился всё больше. – Я провёл расследование: у бухгалтерши не выдержало сердце, менеджеров зарезали в клубе, в пьяной драке... Водитель оказался сектантом, членом организации "Другой мир" – можно сказать, тоже организм не выдержал. Они там проповедуют отказ от своей сущности. В полнолуние обматывают цепями, не дают перекидываться, есть сырое мясо... Всё это случайности.

– Только пошли они как-то уж очень кучно, – буркнул директор. – И почему-то именно в нашей фирме.

– Просто мы не обращали внимания на других, папа, – мягко напомнил Геннадий. – Но я погуглил: люди, знаешь ли, вообще частенько мрут...

– Погибшие все были вервольфами? – уточнил шеф.

– У нас другие не работают, – отрезал директор.

– Это не совсем так, – сложив пальцы домиком, поморщился заместитель. – Семаргл – компания транснациональная. Мы лояльны ко всем гражданам нашей страны. К тому же, вервольфов на самом деле – не так уж и много...

– Но руководство – только волки, – констатировал Алекс.

– Совет директоров, учредители, инвесторы... Да, – согласился Геннадий.

– Мы – фирма семейная, – крикнул Пантелей Митрофанович и шумно отпил из блюда. – Законы компании не позволяют дробить капитал.

– Вы не упомянули, как погиб начальник проектного, – напомнил шеф. – Я так понимаю, это птица более высокого полёта, чем обыкновенный водитель?

– Хвастаться надо меньше, – на скулах Геннадия проступил нездоровый румянец. – Купил себе особняк в Светлом Бору, антиквариата навёз, фотомодель в жены взял... Когда его нашли, на полу собственной гостиной, дом был в полном беспорядке. Полиция говорит – кража со взломом. Просто воры не рассчитывали, что хозяин окажется дома. Его расстреляли. Восемь пуль.

– Насколько я знаю, – заметил шеф, – Вервольфам обычные пули не страшны.

– У них были серебряные, – веско сказал старший Степной. – Они знали, к кому лезли.

– Так... – Алекс подобрался.

– Я всё-таки думаю, что это были охотники за головами, – утомлённо, словно в сотый раз, сказал Геннадий. – Некоторые коллекционеры предлагают огромные деньги за чучело оборотня. Афанасий прокололся. Как-то себя выдал, и его убили. Как трофей.

– Но ведь, я так понимаю, тело было обнаружено в доме, – медленно сказал Алекс. – И все части тела... Э... были на месте?

– Полагаю, их спугнули, – пояснил Геннадий. – Стрельбу слышали соседи, кто-то вызвал полицию... Они просто не успели.

– Это всё? – уточнил шеф. – Больше смертей не было?

– У одного из членов совета директоров в машине отказали тормоза, – сказал старший вервольф. – Когда он это понял, то направил машину в столб. Сработали подушки безопасности. К тому же, у нас большие способности к регенерации. Когда приехала скорая, на нём осталось лишь несколько синяков.

– Это был просто несчастный случай, – с нажимом сказал Гена. – Водитель не следил за состоянием автомобиля...

– Его допросили? – осведомился шеф.

– Это был как раз тот водитель, который состоял в секте, – нехотя сообщил Геннадий.

– Отлично, – Алекс деятельно потёр руки. – Мне понадобятся личные дела всех погибших, с подробными отчётами. Если есть – результаты вскрытий. С этим членом директората я хочу поговорить лично.

– Отчёты у меня с собой, – Геннадий достал из-под стола объёмистый портфель. – А вот насчёт разговора...

– Совет директоров привык контактировать только с Владимиром. Они не захотят говорить с человеком со стороны, не имеющем понятия о наших... традициях.

– Это было не моё решение, – пожал плечами Алекс. – Моё дело – расследовать преступление, и найти виновного. Если он существует. И для этого я уполномочен применять любые средства. Разумеется, в рамках закона.

Вервольф недобро сверкнул глазами, но затем кивнул.

– Мы обязаны сотрудничать с Советом, – наконец сказал он. – В рамках закона, – и он широко, так, чтобы мы видели клыки, улыбнулся.

– Я собираюсь провести расследование, – сказал Алекс. – И понять, что у вас творится. Если это убийства – найти виновного и передать в руки полиции. Если магия – пусть с ним разбирается Совет. Другие ваши дела меня не интересуют.

Долгую секунду вервольф смотрел на шефа, не отрываясь. Затем отвёл глаза и кивнул.

– Добре, – сказал он. – Я тоже не хочу, чтобы моих сотрудников убивали. Делай, что сочтёшь нужным. Но убийцу мне сыщи.

– Или подтвердите, что всё это были несчастные случаи, – добавил Геннадий. – Вот все документы... Половину гонорара мы готовы перечислить сейчас, половину – по завершении дела.

– Я работаю, как штатный дознаватель, – проговорил Алекс. – Мне платит Совет.

– Ну, – заместитель немного растерялся. Видать, нечасто сталкивался с тем, кто отказывается от денег. – Мы оплатили вам номера в отеле, и хотели выделить машину. Но если вы отказываетесь...

– У нас имеются свои апартаменты в Москве, – вежливо отклонил предложение Алекс. – Но за транспорт я буду премного благодарен. Не люблю наёмных таксомоторов.

– Ну, что скажешь? – спросил Алекс, когда мы покинули гостеприимные своды трактира купца первой гильдии Пугасова.

– Запутанное дело, – за всё время пребывания в обществе господ Степных, я не сказал ни слова. – Во-первых, Геннадий – не вервольф.

Глава 4

На улице было хорошо. Апрель – время цветения. Деревья всю выталкивают листву, на открытых местах топорщится зелёная травка, по которой важно расхаживают сытые голуби. Пахнет влажной землёй и новыми надеждами.

– Давай прогуляемся, – предложил шеф. Я кивнул.

Есть больше не хотелось – видать, нанюхался купеческих разносолов. Но скорее всего, аппетит отбили мысли о смерти.

Я читал, что оборотень – тварь на редкость живучая. Их почти не берут яды, не страшны раны, нанесённые железом, сил у них больше, чем у человека и волка, вместе взятых... Вербольфы отличаются острым умом, быстрой реакцией и большой свободой выбора.

Например, волки в природе ограничены ареалом обитания. Они не могут мигрировать на чужую территорию, но и на свою никого не пускают.

Вербольфы, живущие в городах, подчиняются людским законам. Но это только внешне. Законы стаи для них на первом месте. Под наносным культурным слоем скрываются всё те же хищники.

В Сибири и на Алтае сохранились диаспоры природных вервольфов. Они живут в общинах племенного типа, вождя выбирают по праву сильного и являются отличными охотниками. Городов они не любят, и культурный наносной слой у них гораздо тоньше...

– Так почему ты решил, что младший Степной – не вервольф? – спросил Алекс.

– Он ел салат.

– Волк – вегетарианец – это, конечно, забавно, но не невозможно.

– От него не пахло оборотнем. Ну, псиной.

– Ммм... Я никакого запаха не заметил. Немного пахло одеколоном...

– От старшего Степного пахло одеколоном, который скрывал запах противоблошиного шампуня, который, в свою очередь, скрывал запах псины. От младшего – только лосьоном для бритья. И ещё... – я постарался подыскать слова, которые могли передать ощущения. – От старшего исходили эманации зверя. Грубой силы, агрессии, хитрости... Младший пах просто жестокостью.

– А хищники по своей природе не жестоки, – задумчиво сказал Алекс. Мы шли прогулочным шагом по какой-то аллее. Тени от деревьев расчерчивали асфальт в чёрно-белую зебру. Москву я знал плохо, и какая это улица – не вдавался. Но было очень красиво. – Они убивают только по необходимости: еда, защита, статус. Никогда не интригуют, не ведут подковерных игр...

– Но зато человек, чтобы добиться высокого статуса в стае вервольфов, должен превосходить их во всём, – добавил я. – Он должен быть умнее, напористее, жестче...

Вспомнился молодой вервольф Митроха. Расслабленный, с ленивыми, подёрнутыми мутной плёнкой глазками. Ему не нужно добывать себе место под солнцем – он его имеет по праву рождения. Зато Геннадию путь к вершине приходится выгрызать...

– Директор сказал: законы фирмы не позволяют, чтобы руководящие посты занимали не-вервольфы, – вспомнил я. – И если Гена – человек, значит, он не сможет занять кресло генерального директора, когда папаша отойдёт от дел. Поэтому официальный наследник – Митрофан, племянник.

– И его поместили под защиту Надзирателя, чтобы... Что? – спросил Алекс, словно я рассказывал заученный урок.

– Разумеется, чтобы защитить. Они практически уверены, что смерти не случайны, – послушно ответил я.

– И только заместитель директора, человек, утверждает обратное, – закончил мою мысль Алекс.

– Как вы думаете: это похоже на мотив?

– Истребить всех вервольфов, чтобы стать главой корпорации? – скептически произнёс Алекс.

– Двести миллионов прибыли в год, – напомнил я. За такой куш...

– Любой может начать рискованную игру, – закончил Алекс, и мы рассмеялись.

Приятно сознавать, что у нас с шефом много общего.

– Но кроме шуток, – продолжил я. – Его можно понять. Получил блестящее образование – это заметно по манере говорить, пользоваться столовыми приборами, по костюму, наконец... Работает, как вол. В его руках наверняка сосредоточены все нити, благодаря которым "Семаргл" остаётся лидером рынка. Но стать главным, получить статус вожака, он не может. И вынужден мириться с двоюродным братцем, недорослем и лентяем, который с трудом контролирует свою вторую сущность.

– Твои аргументы ясны – кивнул Алекс. – Но Семаргл – компания очень крупная. Слишком много вервольфов встанет на пути у одного человека. Ты вот вспомнил о статусе... Любой вервольф, даже последний водитель экскаватора, будет в иерархии стаи выше, чем человек. Гена держится на своей должности лишь благодаря тому, что папа – вожак. Как только его не станет...

– Заместителя скинут на самое дно, – кивнул я. – Ему в любом случае не стать вожаком. Ясно-понятно... Ладно, это была всего лишь версия.

– Я бы сказал, отличная версия.

– Да. Жалко, что не состоятельная.

– Ещё мне кажется подозрительной история со сторожем, – вспомнил я. – Какая такая секта? Почему в ней состоит вервольф? И как руководство вообще это позволило? Водитель члена совета директоров – это ведь тоже не мелкая сошка, верно? В людском мире, чтобы попасть на такую должность, нужно иметь отличную протекцию или очень много везения.

– Водитель, скорее всего, его родственник, – пожал плечами шеф. – В стае дела решают не так, как в бизнесе. В заслуги ставят не личные качества, а приближенность к особе, облечённой властью. И за это же многое прощают.

– Удивительно, как они при таких законах добились лидерского положения на рынке?

– А кто сказал, что родственники сплошь должны быть неучами и бездельниками? Скорее всего, их с детства готовят к занимаемым должностям. Образование, психологическая подготовка – в стае хищников дисциплина почище, чем в армии... О! Смотри – ларёк, – я немного опешил от такой резкой перемены темы.

– Ну и что?

– Как что? Это же ларёк с шаурмой. Запах чувствуешь?

– И зачем он нам?

Запах я чувствовал. И скажу, как на духу: определить, что за мясо там жарится – не мог.

– А ты что, уже не голодный? Святым духом напитался? Или... – Алекс нехорошо усмехнулся. – Подкормился от оборотней?

Под ложечкой засосало. Питаться от людей, используя их как живые батарейки, мне претило. Лучше я буду горстями жрать витамины и килограммами мясо, чем... так.

В то же время я вспомнил проводника в поезде. И то, как мне было хорошо, когда он поделился частью накопленной силы.

– Для стригоя человеческая аура – как пончик с сахарной пудрой для толстяка, – сказал Алекс. – Состава преступления в этом нет.

– Только очень стыдно. Сперва получаешь удовольствие, а потом – сам себе противен.

– Суть ты ухватил верно, – осклабился шеф. – Ну так что, по шаурме?

– Ну, если вы не боитесь за свою печень, то я – тем более.

– Моя печень, мон шер ами, выносила и менее деликатные вещи, чем шаурма. Видел бы ты, чем мы питались в войну...

– Вторую мировую?

Алекс посмотрел с предубеждением – как всегда, когда я сморожу какую-нибудь глупость.

– Нет блин, с Наполеоном.

Я попытался припомнить, когда была война с французами – и не смог.

Русская шаурма не имела ничего общего с восточным кебабом. Во-первых, арабы не используют майонез... Картофель фри в Сирии мне тоже не попадался. Но в целом, в целом, было совсем не плохо. Сытно, горячо – словом, нормально.

Есть на ходу ни я, ни Алекс не любили, поэтому, взяв завернутое в лаваш мясо и по банке пива, мы уселись на лавочку. И стали смотреть на народ.

Алекс изучал празднующую публику с большим интересом. Симпатичных барышень он, как всегда, провожал взглядом, по мужчинам скользил мельком, не задерживаясь.

– Поиграем в игру, – неожиданно предложил он. – Сколько сверхъестественных существ ты сможешь засесть за десять минут.

– Что, прямо здесь? – говорить с набитым ртом было некрасиво, и пришлось проглотить здоровенный кусок шаурмы, не разжевывая. В живот словно рухнул камень, завернутый в бумажную салфетку...

– Время пошло, – шеф демонстративно посмотрел на часы.

И я принялся разглядывать прохожих. Их было не то, чтобы много, но люди мимо нашей лавочки шли постоянно. Бабки с сумками на колёсиках телепались по своим делам медленно и степенно, девчонки пробегали стайками. Гопники, издали углядев в нас с шефом лёгкую добычу, с энтузиазмом погребли к скамейке, но не успев начать традиционный "развод" как-то сдулись, попрытали глаза, и не сговариваясь, слиняли.

Потом прошла молодая пара, торжественно, как священный ковчег, катя новенькую коляску...

Я пытался смотреть, как учила Антигона: как бы не на человека, а поверх него, мимо, лишь краем зрения цепляя контур фигуры.

Обычно это неплохо работало. В помещении. Здесь же светило яркое солнце, на асфальте мельтешили тени от листвы, над головой истошно чирикали воробы... Всё это здорово отвлекало.

От напряжения я разозлился, и выпустил немного... Мириам это называла "дух костей" – мёртвую энергию, которая досталась мне от "создателя" – Антона Лавая.

И тут же от нас шарахнулась благообразная бабулька с карликовым пуделем на поводке.

– Чур меня, чур, – запричитала бабулька старушечьим басом. – Сгинь, супостат, бисов сын!..

Пудель, подскакивая на тонких лапках, как на пружинках, поливал нас залиvistым лаем.

Достав из кошелки пучок сохлой полыни, бабка принялась махать им на меня, как веником в бане.

Народ, проходя мимо, смотрел сочувственно, но помощь никто не предлагал. С бабульками связываться – себе дороже.

– Проходите, гражданочка, – официальным тоном попросил Алекс. – Вы ошиблись.

Он ногой попытался отгеснить пуделя, но тот вцепился шефу в брючину. Зато замолчал. Теперь он лишь тихо рычал, от удовольствия заведя глаза под выпуклый чёрный лобик. Видно, не часто собачке такая развлекуха перепадает...

– Да что я, стригоя от обычной шантрапы не отличу? – вскричала старуха в полный голос, совершенно не заботясь тем, слышат её или нет.

– Ну и что, что стригой? Вам-то какое дело? – честно говоря, достало меня, что всякие люди нос воротят. Что я им сделал?

– А такое, милок, что лицензия у тебя должна быть, – ядовито и победно прокаркала бабка.

– С чего вы взяли, что у меня её нет?

– Да что я, слепая, что ль? Глаза-то, поди, имею... И как ты ещё наглости набрался, кровопивец, в столицу без лицензии сунуться! Вот я на тебя жалобу подам...

– Спокойно, гражданочка, – Алекс шустро вскочил и подхватил бабку под локоток. Обаяние своё он включил на полную. Как тысячеваттную лампочку. – Мы приезжие. Только с поезда... Вот, пообедавать присели. Как закончим, сразу же отправимся регистрироваться.

– Да к тебе-то я, касатик, претензий не имею, – бабка наконец понизила голос. – Ты, я вижу, человек культурный... А не якшался бы ты с кровососами, а? – она приложила морщинистую руку к объёмной груди. Другой рукой она, дёргая поводок, пыталась оттащить пуделя, но тот, с набитым штаниной ртом, впал в полную кататонию. – Пристрели его, и вся недолга...

– Да за что вы меня так ненавидите? – от удивления, что незнакомые старушки бывают столь кровожадными, я даже перестал злиться.

– Знай своё место, упырь, – прикрикнула старуха. – Паразиты вы, хуже вшей. Сколько кровушки моей выпили...

– Да не пью я кровь! Я витамины пью. И синтетический гемоглобин.

Это был крик души. Почему меня все принимают за какого-то урода?

Старуха неожиданно замолчала, и удивительно проворно перебирая ногами, подкатилась ко мне и накрыла лицо своей морщинистой пятернёй.

Ладонь была на удивление чистая, сухая и мягкая. Пахло от неё свежемолотым кофе...

– Прощения просим, – через минуту сказала бабка, отняв руку и зачем-то поправив мне воротничок на рубашке. – Поторопилась. Простите старую... Как увидела стригоя без Печати – так прям взыграло ретивое, не удержалась. Сколько мы их в войну колами попротыкивали – страсть.

– В гитлерюгенде были специальные зондер-команды из новосозданных стригоев, – тихо заметил Алекс. – Злые, голодные и безмозглые. Им даже оружия не давали... Мы на вас не в обиде, гражданочка, – склонил голову Алекс и щелкнул каблуками испанских туфель.

– Матрёна Потаповна Фролова, потомственная ведьма, – с достоинством кивнула старуха. – Чистка ауры, привлечение благоприятных эфиров, налаживание контакта с почившими родственниками. Всё в рамках разрешенной магии. Лицензия номер одна тысяча восемьсот два.

И совершенно неожиданно она протянула Алексу вполне современную визитку. Буквы были стилизованы под старославянскую кириллицу.

– Пойду я, – подхватила она, как только Алекс сунул визитку в карман. – Заболталась тут с вами...

И бабка, прижимая к боку объёмистую кошелку, шустро заковыляла прочь.

- Гражданочка, – позвал Алекс.
- Чегось? – обернулась с готовностью бабка.
- Собачку заберите.
- Воланд! – позвала бабулька. – К ноге.

Чёрный пудель послушно выплюнул штанину Алекса и потрусил к старухе. Взгляд собачьих глаз-бусинок выражал к нам, грешным, полное презрение.

После ухода бабки, отдых на лавочке утратил свою первозданную прелесть. Настроение стремительно падало. Я вновь принялся думать о Мириам, о том, что надо нам с ней поговорить...

– Идём, – Алекс стремительно вскочил. Подхватив папку, выданную Геной, он завертелся на месте, высматривая что-то мне неизвестное.

– Куда?

Из меня словно высосали всю душу. Небо казалось серым, как асфальт, и таким же бугристым. Деревья больше не радовали свежей листвой, а воробьиный писк вгрызался в уши, как высокоскоростное сверло.

– Надо найти таксомотор. Поедем на кладбище.

– Куда?..

– Разговор со старухой натолкнул меня на пару мыслей, – Алекс шагал бодро, пружинисто, я же, несмотря на сытный перекус, плёлся нога за ногу. – Да что ты тащишься, как дохлая мышь?

– Не знаю, – мною овладело полное равнодушие. – А мы куда-то торопимся?

– Так, погоди... – сунув папку под мышку, шеф пощупал воздух вокруг меня. – Ну бабка, – он беззвучно выругался. – Ну стерва...

– При чём здесь старуха?

– Спрошу тебя как колдун колдуна: на тебя когда-нибудь порчу наводили?

– Не припоминаю, – я поёжился. Порча – это хреново. От правильно наведённой порчи можно и кони двинуть.

– Не удержалась всё-таки, старая перечница, – Алекс достал визитку. – Чистка ауры у неё... Привлечение эфиров... Чернокнижница она. Потомственная.

– Почему вы так решили?

– Потому что белые ведьмы порчу не наводят. Даже на стригоев. То-то она тебя углядела! Конкуренции побоялась, вот и накинулась.

– Она же извинилась, – мир будто накрыли серой застиранной марлей. Красок в нём не осталось, запахи сделались тухлыми, а свет солнца вызывал невозможную головную боль.

– Но подарочек напоследок оставила.

– И что теперь делать?

– Да ничего особенного, – пожал плечами шеф. Тяжелая папка у него подмышкой всё время норовила выскочить. – Зажигалку дай.

Сунув руку в карман джинсов, я пошарил, и ничего не нашел.

– Она у вас.

Очень хотелось лечь прямо на траву, свернуться калачиком и перестать реагировать на раздражители.

Алекс похлопал себя по карманам, нашел зажигалку, щелкнул колёсиком и поджег бабкину визитку.

– Стой спокойно, – скомандовал он и стал водить горячей бумажкой вдоль моей ауры.

Огонёк, пожирая бумажку, сыто потрескивал, и время от времени вспыхивал оранжевыми всполохами.

– Ну как? – спросил Алекс, когда визитка рассыпалась чёрным пеплом. – Полегчало?

Я прислушался к себе. Серая марля убралась, краски постепенно возвращались, да и голову перестали распиливать пополам.

– Кажется, да. Спасибо.

– Тогда пошли, – и шеф устремился туда, откуда слышался шелест покрышек и гул автомобильных гудков.

– Может, объясните, что это было? – догнав Алекса, я пошел с ним нога в ногу.

– Проверка, – небрежно пояснил шеф. – Думаешь: шли себе спокойно по аллее, присели перекусить на лавочку, и тут же встретили ведьму? Не много ли совпадений?

– А кто её мог подослать? "Семаргл"?

– Я думал о Совете. Но это тоже небезынтересная версия. Как раз ведьма-то и натолкнула меня на некоторые мысли...

– Проверить кладбище, которое раскопали строители?

– Жаль, Гиллель далеко. У него бы это получилось лучше.

– Можно его вызвать. Думаю, он не откажется нам помочь.

– Сами справимся. У Гиллеля и без нас дел по самое не балуйся.

– А может тогда... Мириам?

Алекс остановился.

– А тебе хотелось бы, чтобы она была здесь?

Я честно задумался. Представил, как она живёт в соседнем номере гостиницы, как мы, втроём, чинно ужинаем в ресторане...

– Наверное, нет, – покачал я головой. – Но если она может помочь...

– Разберёмся, – шеф вновь стремительно зашагал по аллее.

Впереди уже виднелась дорога, покрытая автомобилями, как фаланга панцирной пехоты – щитами. Они стояли плотно, бампер к бамперу, и непрерывно гудели.

– Кажись, пробка, – заметил я.

– Да, ничего хорошего, – вздохнул Алекс. – Ну-ка, дай трубу.

Я достал телефон. Шеф, покопавшись в папке, набрал какой-то номер.

– Геннадий? – сказал он в трубку. – Вы говорили, что с затруднениями я могу обращаться непосредственно к вам. Так вот: одно такое возникло. Нам с коллегой нужно попасть на кладбище... Разумеется, на то самое. И как можно быстрее. Сейчас сброшу геолокацию, – он нажал несколько кнопок. – О'кей, ждём.

– И что?

Шеф пожал плечами.

– Сказали подождать, не сходя с места.

– Что вы надеетесь там найти?

– Пока не знаю, – пожал плечами шеф.

Мы стояли посреди аллеи, людской поток обтекал нас с двух сторон. И вдруг...

– Вижу, – сказал я. – Оборотня вижу, вервольфа. Идёт прямо к нам.

– Стой спокойно, – посоветовал шеф. – Не показывай, что ты его видишь.

Мужик – лет тридцати, в серой толстовке с капюшоном, в джинсах и кроссовках, прошел мимо. Руки его были глубоко засунуты в карманы, лица из-под капюшона разглядеть не удалось. На спине толстовки была картинка с головой волка на фоне лунного диска. Из шеи волка вырывались языки пламени...

– Пасут? – спросил я.

– Не знаю, – было видно, что шефу происходящее совсем не нравится.

– Ещё один, – сказал я, заметив слева впереди девушку с необычной аурой. Воздух клубился вокруг неё, кипел, словно вода в чайнике. – Не знаю кто, точно не оборотень.

– Ламия, – определил Алекс. Молодец, кадет.

Впереди показался ещё один мужчина "с аурой". Широкоплечий седой старик, с бородой до пояса. Одет он был в тренировочный синий костюм, и шел бодрой рысью, опираясь на лыжные палки. Поравнявшись с нами, он приветливо кивнул, Алекс ответил тем же. Глаза у старика были изумрудные, цвета молодых берёзовых листьев. И пахло от него соответственно: берестой и ягодами.

– Знахарь, – известил меня Алекс.

– Он не стал от меня шарахаться, как та ведьма.

– Поверь, мон шер, не все в нашем мире такие нетерпимые. Со временем ты привыкнешь.

Перестанешь замечать косые взгляды...

– А можно от этого избавиться? – вопрос пришел сам собой, совершенно неожиданно. – Можно перестать быть стригоем?

– Можно, – улыбнулся шеф. – Посмертно.

– Вы всё шутите.

– Какие уж тут шутки, – фыркнул Алекс. А потом посмотрел на меня серьёзно. – Если и есть такой способ, то я о нём не знаю. Извини. Но если ты настроен решительно – можно поспрашивать.

– Спасибо.

Над деревьями раздалось мерное твок-твок-твок... Мы задрали головы.

Вертолёт, больше похожий на пучеглазую стрекозу, снижался прямо над нами. Был он небольшой, ладненький и ветра поднимал совсем немного. Он опускался на круглую площадку с клумбой, к которой сходились аллеи.

Прохожие шарахнулись в стороны.

– Я думал, это будет лимузин, или ещё что-то подобное, – сказал я, проглатывая ком в горле. Не люблю вертолётов. Во-первых, это тесное маленькое пространство. Во-вторых, оно будет подвешено в воздухе, на большой высоте, и в-третьих: в вертолёт чертовски легко попасть из гранатомёта.

– "Семаргл" не разменивается на мелочи, – шеф смотрел на лёгкую, почти игрушечную машинку, совершенно спокойно. – Я же сказал, что нам надо попасть на кладбище побыстрее.

– Кольцевая, – комментировал шеф, когда мы пролетали над геометрически чёткими кварталами и дорогами, забитыми автотранспортом. – Ярославское шоссе...

Стройку мы увидели издалека. В зелёном массиве она выделялась, как язва на теле красавицы.

Чёрная проплешина с развороченной землёй, лужами стоялой воды и брошенной техникой. Накрытые полотнами выцветшего брезента, с высоты машины напоминали раздавленных жуков.

Вертолёт приземлился на самом краю проплешины. Сразу за ним начинался светлый берёзовый бор.

Когда мы спрыгнули на землю, а лопасти вертолёта перестали крутиться, наступила почти совершенная тишина. Её нарушал только шум ветра в верхушках берёз. Ветви их были покрыты золотистым пушком, и деревья напоминали цыплят – переростков.

А потом раздалось первое робкое: – ку-ку. Деловито застучал дятел. Мимо, рассекая воздух слюдяными крылышками, пролетел шмель...

Я втянул терпкий запах травы, прошлогодних прелых листьев и близкой воды.

– Как они могли испортить такую красоту? – я имел в виду стройку.

– Здесь было болото, – пояснил пилот, спрыгнув со ступеньки к нам с шефом.

Пилотом была девушка. Но как говорить "пилот" в женском роде, я не знал. Пилотка – как-то двусмысленно. Пилотша – насилие над языком...

Девушка была очень даже ничего: высокая, подтянутая, с хорошей грудью. Лётный комбинезон обливал её фигуру, как вторая кожа. Молния была расстёгнута, открывая загорелую кожу ключиц и ложбинку между грудями. На левой была татуировка. Виднелся только её краешек, какая-то спираль.

Скулы у девушки были высоченные, острые, хищные. Зубы – необыкновенно белые. А волосы – цвета старинных медных монеток, и такие пушистые, словно это не волосы, а звериный хвост... Пахло от неё едва заметно противоблошиным шампунем и какими-то цветочными духами. А ещё машинным маслом.

– Болото, говорите? – Алекс к девушке не проявил никакого внимания, кроме делового. Ну правильно, кивнул я сам себе. – Мы же на работе... А работу и личную жизнь он не смешивает никогда. Собственно, поэтому и не берёт в агентство Мириам – в чём я его всесторонне поддерживаю...

– Старое болото, оно давно высохло, – пояснила девушка. – Но деревья там всё равно не росли. Это была голая плешь, покрытая крапивой и полынью. Биоценоз мы не разрушили.

– К тому же, рядом проходит оживлённая автомагистраль, – себе под нос пробормотал шеф. – И грех было не воспользоваться такой возможностью...

– А почему не убрали технику? – спросил я. – Ваш директор сказал, что стройку закрыли.

– Заморозили, – поправила девушка. – Геннадий Пантелеевич надеется, что недоразумение с проклятьем разрешится, и строительство торгового центра продолжится.

Когда девушка произносила имя начальника, голос её изменился. Стал более бархатным. Глубоким.

Пока мы беседовали, Алекс подошел к краю развороченной канавы и вытянул над ней руки. Со своего места я видел, что на дне её скопилась, покрытая радужной бензиновой плёнкой, вода.

Постояв так немного, шеф перешел к следующей канаве, затем ещё дальше. Он смело ступал на горки осыпающейся подсохшей земли, не жалея ни испанских туфель, ни дорогих брюк.

Он шел, как лозоходец, как сомнамбула.

Я с беспокойством следил за его блужданиями. Через минуту не выдержал, и пошел к нему, стараясь наступать на сухие участки. К сожалению, было их не очень много...

– Вы что-то нащупали? – спросил я тихонько, подойдя к шефу вплотную. Я знал, что у оборотней великолепный слух, но всё равно казалось, что говоря шепотом, мы обеспечиваем себе подобие приватности.

– Знаешь, кадет, – ответил он, посмотрев на меня круглыми, немного шальными глазами. – А проклятие всё-таки есть.

Глава 5

– Вы говорите о проклятье, от которого умерли рабочие? – осторожно спросил я.

– Не совсем, – поморщился шеф. – Точнее, совсем нет. Тут что-то другое.

– Но оно могло повлиять на успех строительства?

Я не заметил, как девушка-пилот подошла к нам. Секунду назад она стояла возле вертолёт, и вдруг...

Алекс посмотрел на неё пустыми глазами, потом моргнул и тряхнул головой.

– Э... простите, как вас зовут?

– Хельга, – она не протянула руки. Только сузила светлые глаза и выставила подбородок.

– Так вот, Хельга...

Я не услышал, что сказал Алекс девушке. На меня опять накатило.

Это было не так, как в Питере. Не было муторной, вымораживающей тоски, не было ощущения тонкого моста под ногами... Был взгляд. Пристальный, внимательный, отчасти враждебный.

От этого взгляда заболела кожа, затылок наполнился тяжестью, а под сводом черепа раздалось мерное жужжание.

Жужжание складывалось в слова неведомого языка. Я напрягся, пытаюсь распознать знакомые фонемы, как-то идентифицировать, расшифровать, но – безуспешно. Слова лились непрерывно, сплошным потоком, вызывая чувство бессилия.

Я разозлился.

Язык – моя сильная сторона. Я всегда гордился тем, что мог уловить смысл речи на лету, даже не зная самих слов. Это было на уровне интуиции, догадок, которые оказывались верными...

Здесь и сейчас я не мог ничего. Я слышал голос в своей голове, я знал, что это – осмысленная речь, но не мог понять ни слова.

– Кадет, что с тобой? Эй, Сашхен, посмотри на меня!.. Посмотри на меня, это я, Алекс...

Знакомый голос пробился сквозь жужжание, и я уцепился за него, как за спасительную соломинку. Тряхнул головой, отгоняя наваждение, протёр глаза...

Оказалось, я стою на опушке леса, по колено в канаве с водой. Холодная жижа уже проникла в кроссовки, намочила штанины, и ноги сковало холодом.

Я наклонился, и в тёмной воде отразилось моё лицо. Щёки запали, нос заострился, как у мертвеца. Сквозь натянувшуюся кожу угадывались зубы – широкий оскал скелета. Глаза представляли два тёмных провала.

Встретившись взглядом со своим отражением, я дёрнулся, будто получил пощечину.

И выпрямился.

Алекс возвышался рядом, на холмике рыхлой земли. Он протягивал мне руку.

– Выбирайся, – приказал он.

– Что это было?

Схватившись за его крепкую, тёплую и живую ладонь, я сразу почувствовал себя лучше. Вытащив из грязи одну ногу – ледяная жижа отпустить не хотела, и подошва кроссовки издала чавкающий стон – я упёрся в скос канавы, извлёк вторую ногу, и наконец выбрался на сухую землю.

– У тебя надо спросить, – Алекс с беспокойством заглянул мне в глаза. – Как себя чувствуешь? Голова не болит? Зелёные гоблины не мерещатся?

– Я что-то услышал, – сплошная стена леса стояла прямо перед лицом. Меж светлых стволов берёз вились плети колючего шиповника, дикой малины, создавая совершенно непроходимый барьер. – Точнее, почувствовал. Мне показалось, оттуда, – я указал подбородком на лес. – На нас кто-то смотрит.

Про голос в голове я решил пока не сообщать. Так и до палаты номер шесть докатиться можно...

– Ну мало ли, кто может смотреть, – пожал плечами шеф. – Места ведь заповедные, глухие. Волки, лоси. Медведи.

– Это был осмысленный взгляд, – перебил я.

– Я ничего не чувствую, – Хельга оказалась рядом вновь, как по волшебству. – Поза её напоминала стойку гончей, которая пытается взять след: тело вытянуто в струну, ноги готовы к броску. Нос, скулы, глаза – устремлены вперёд в едином порыве. – Там никого нет. Совсем никого.

Девушка перешла в расслабленное состояние мгновенно. Оглядела нас раздражительно, как досадную помеху.

– Идёмте, – бросила повелительно. – Меня ждут на работе.

В этот момент он и появился.

Здоровый мужик. Накидка, бурым мехом наружу, какая-то совершенно невозможная, похожая на разорённое гнездо лохматая шапка, сивая борода, румяные, как наливные яблочки, щёки и хитрый взгляд мутноватых глаз.

От мужика на километр разило сивухой и какими-то ягодами. Малина, или ежевика...

– Бог в помощь, люди добрые.

Голос у мужика был глубокий. Как колодец, из которого видны звёзды.

– Здравствуй, отец, – откликнулся Алекс.

– Дело пытаете, али от дела лыгаете? – продолжил допрос мужик.

– Иди своей дорогой, дед, – встряла Хельга. – Некогда нам тут с тобой лясы точить.

Мужик перевёл взгляд на девушку. Чуть покачнулся, икнул, а потом поднял руки, слепил из воздуха невидимый шар и запустил его в Хельгу.

Когда шар пролетал мимо меня, было ощущение, словно рядом пальнули из огнёмёта. Показалось, даже волоски в бровях скручиваются от жара.

А в следующий миг вдоль моего плеча пролетела волчица. Пасть оскалена, лапы нацелены мужику в грудь, хвост вытянулся струной...

Мужик издал губами чмокающий звук. Волчица затормозила прямо в полёте. Не знаю, как она это сделала, не покотившись кубарем в колючий кустарник, но факт налицо: только что громадная зверюга была готова разорвать деду горло, а теперь мирно сидит у его ног, как дрессированная овчарка.

Я невольно принялся её разглядывать.

Масти волчица была необычайно светлой, с небольшими вкраплениями тёмно-рыжих волосков. Морда у неё была очень изящная, аккуратная такая, узкие длинные глаза обведены чёрными стрелками. Уши казались такими мягкими, что рука так и тянулась их погладить...

Грудь волчицы украшал белый воротник, кончики хвоста и ушей тоже был белыми. Таких красивых зверей я ещё не видел.

Мужик властно положил руку на голову волчицы. Та прикрыла глаза и высунула язык. Сначала я подумал, что от удовольствия. Но потом заметил, что всё тело зверя дрожит мелкой дрожью.

Она боялась. Волчица боялась этого пьяного лесного деда.

– Молода исчо, – ласково сказал мужик. – Не перебесилась.

– Кто вы такой? – вырвалось у меня.

Теперь, когда все немного успокоились, я понял, что этот взгляд, это ощущение чужой силы, исходили именно от деда.

– А местный я, – мужичок охотно протянул замурзанную руку Алексу. Тот, не чинясь, пожал.

Когда он протянул руку мне, возникло острое ощущение, что прикоснуться к мужику нельзя. Рука моя просто окаменела, не хотела подыматься. Но я пересилил. Сжал зубы, втянул носом прохладный, пахнущий стоялой водой воздух и протянул.

– Молодец, – непонятно одобрил дед.

Рука у него была тёплая, сухая, и одновременно колючая – словно по ней пропустили электрический ток.

На миг я ощутил жажду. Желание впитаться ему в горло, проколоть вену и пить, пить горячую кровь...

Я удивился. Нет, во мне проснулось чувство гадливости. Кровь? Из отворённой вены? Бррр...

И в то же время я испытал сладострастную тоску. По её горячей плотности, по металлическому, чуть сладковатому вкусу на языке...

И всё же бррр. Чур меня, чур.

– Опять молодец, – похвалил незнамо за что мужик. – Вот так дальше и держись.

– Что вам от нас нужно? – спросил я. Язык ворочался с трудом, ударяясь об острые зубы.

Показалось, я даже поранился.

– Мне? – притворно удивился мужик. – Мне – ничего. Вот что в моём лесу нужно ВАМ?..

– Нас наняли расследовать несколько загадочных смертей, случившихся на стройке, – вступил Алекс.

– Ну дак... – глазки дедка хитро блеснули. – Никакой стройки-то и нету. Чего расследовать-то?

Он обвёл пьяноватым взглядом окрестности, и снова повернулся к шефу.

– Стройку могут возобновить, – веско сказал Алекс. – Если мы докажем, что смерти были чистой случайностью. И к проклятию никакого отношения не имеют.

– О как, – подбоченился дед. – Проклятье, значить. Ну вы, блин, даёте.

– У вас есть другая версия? – флегматично спросил шеф.

Он старался не смотреть на деда в упор. Лишь бросал короткие взгляды, искоса.

– Да ничего у меня нет, – мужик опять икнул и залихватски вытер нос рукавом старой байковой рубахи. – Я и к вам-то чего вышел... – он умильно поглядел на шефа. – Выпить не найдётся?

– Как не найтись, – Алекс достал из внутреннего кармана пиджака фляжку и протянул её деду. – Угощайтесь.

– Благодарствую, – мужик чинно поклонился, а затем отвинтил колпачок – руки заметно дрожали – и припал к фляжке. Кадык на его горле задёргался.

Наконец, отняв фляжку от губ, он слегка взболтнул содержимое – судя по звуку, там осталось немного – и с сожалением протянул назад, Алексу.

– Оставьте, – махнул рукой шеф. – Это подарок.

Фляжка была дорогая, серебряная, с тонкой чеканкой и инкрустацией. Там даже была какая-то именная гравировка...

Мужик с видимым удовольствием хлебнул ещё, и убрал фляжку куда-то за пояс.

– Ну... – подмигнул он, явно повеселев. – Я пошел?

– Два вопроса, если позволите, – поспешно сказал шеф. Дед склонил голову на бок.

– Первый: здесь, в окрестностях, кто-нибудь живёт?

– Как не жить, – развёл тот руками. – Во-о-он там, за речкой – село Розенкрейцеровка.

Бывший совхоз имени Елены Блаватской.

– Далеко? – быстро спросил шеф.

– Километра два будет.

– Хорошо, тогда второй вопрос... – Алекс оглянулся на стройку. – Можно, мы ещё придём?

Мужик честно задумался.

– Не советую, – наконец сказал он. – Съедят.

– А в село?

– Это уже третий вопрос, – погрозил корявым пальцем дед.

– Господь трицу любит, – не остался в долгу шеф.

– Приходите, – разрешил дед. – Но только днём. Ночью нельзя.

– Учтём, – вежливо поклонился Алекс.

– И зверей не приводите, – мужичок дёрнул за ухо волчицу. Та чуть оскалила чёрную пасть, горло её задрожало, но звука не вышло. – Не любят их у нас.

Мужик сделал шаг назад и будто растаял в путанице ветвей. Ни один листик не шелохнулся. А на том месте, где он стоял, обнаружился туесок с малиной. Ягоды были крупные и блестящие, как настоящие рубины.

Как только дед слинял, волчица сорвалась с места и скрылась за кабиной вертолёта. Через минуту, поправляя ремень на комбинезоне, вышла Хельга. Глаза у неё были белые от ярости, на нас она старалась не смотреть.

– Сделай вид, что ничего не было, – шепнул шеф, и ловко перепрыгивая на сухие кучки земли, поспешил к вертолёту.

– Да легко, – пробормотал я себе под нос.

Честно говоря, я так ничего и не понял.

Посмотрел на туесок с ягодами... Вдруг страшно, до боли в скулах захотелось отведать. Бросить мягкий сочный плод на язык, раздавить о нёбо, ощутить кислую, душистую сладость...

Подхватив туесок, я поспешил за шефом. На ходу кинул в рот несколько ягод, и улыбнулся. Малина... Округлое, сладкое слово. На мгновение привиделись хитроватые глаза деда и пахло сивухой. Раздался сухой смешок, и наваждение сгинуло.

– Угощайтесь, – как только устроился на сиденье, я протянул туесок девушке.

Та яростно, и в очень быстром темпе, переключала какие-то рычажки, тумблеры, кнопки, и на моё предложение лишь дёрнула носом. По спине её прошла заметная дрожь.

Во время обратного полёта мы не разговаривали.

Город встретил грохотом и недобрый колючим ветром. В небе рвались в клочья чёрные тучи, под ними, наперегонки, сновали стрижи.

Алекс с удовольствием оглядел город.

– Гроза, – произнёс он с растяжкой. – Л-люблю...

Стояли мы на верхней площадке небоскрёба. Высадив нас, лёгкая, похожая на мыльный пузырь машинка понесла угрюмую девушку-пилота куда-то в ангар.

А мы остались.

Далеко под нами мерцала сетка улиц, речек, мостов, пешеходы были крошечные, как муравьи. Так и потянуло подойти к краю ничем не огороженной площадки и сделать шаг в пустоту...

Я благоразумно отошел подальше. Не то, чтобы я боялся высоты, или испытывал тягу к суициду... Просто себе я больше не доверял.

– Что дальше?

Малину я за время полёта как-то незаметно съел. Алекс взял всего несколько ягод, пожевал, как хлеб, и отвернулся, так что весь тусок достался мне... Теперь я вертел испачканную ягодным соком корзинку в руках, не зная, что с ней делать. При этом меня переполняла странная бодрость. Будто от самых пяток, будоража внутренности, поднимались лёгкие пузыри, заставляя тело подпрыгивать и всячески выражать желание потратить энергию.

– Вечереет, – сказал шеф, глядя на далёкую полосу горизонта. Снизу она была желтая, подкрашенная оранжевыми всполохами. В ней наполовину утонул красный апельсин солнца. – Пора встречаться с Володей. Идём.

Алекс воспользовался пропуском, который вместе с папкой вручил Геннадий. Этот пропуск, точнее, магнитная карта, открыл нам сначала дверь с вертолётной площадки внутрь здания, а затем и двери лифта.

Как только мы вошли внутрь небоскрёба корпорации "Семаргл", меня окружил запах пины. Он был тонким, едва заметным, но удушающим.

Словно я попал на дорожную, ухоженную псарню.

Интерьер, впрочем, был самый обычный: кадки с пальмами, низкие диванчики вдоль стен и рассеянный свет энергосберегающих лампочек.

А вокруг сновали вервольфы.

Толстые вервольфы, худые вервольфы, молодые и старые вервольфы, одетые в дорогие деловые костюмы и рабочие комбинезоны с логотипом скалящейся волчьей головы... Объединяло их всех одно: привычка при нашем приближении отводить взгляды и запах противоблошиного шампуня.

Я почувствовал себя неудобно. Несмотря на вполне человеческий вид, одежду и цивилизованные манеры, создавалось впечатление, что мы с шефом движемся сквозь многочисленную волчью стаю.

– Спокойно, кадет, – тихо сказал шеф, идя по коридору ровной походкой. – Они не должны почуять твой страх.

Я слотнул и постарался расслабиться.

Всё дело в аурах. Излучение от них было куда сильнее, чем от любого человека. И отличалось оно... вибрациями, что ли? Лучше объяснить не могу.

Но когда, проходя мимо, моя аура соприкасалась с аурой вервольфа, у меня на спине поднималась несуществующая шерсть.

Вервольфы не оставались в долгу. Некоторые скалили зубы – с удивительно острыми и большими клыками. Другие издавали горлом тихие густые звуки, похожие на рычание.

У дамочки, которая несла стопку папок, прямо на глазах выросла шерсть на руках, ногти с громкими щелчками отчпокались, и из пальцев показались чёрные крепкие когти.

– Вот чёрт, – ругнулась она шепотом, когда мы прошли мимо. – Опять маникюр делать...
– Что это с ними? – спросил я, когда мы вошли в лифт. Слава богу, пустой. – Они всегда так реагируют на людей?

– Они реагируют на тебя, кадет, – пояснил Алекс, прижимая к панели всё тот же пропуск. – Как ты чувствуешь в них волков, они чувствуют в тебе стригоя. Сиречь – нелюдь.

– Но директор так себя не вёл, – мне вдруг сделалось муторно и скучно. – Пантелей Митрофанович никак не показал, что для него я чем-то отличаюсь от вас.

– На то он – и вожак стаи, – пожал плечами шеф. – Он лучше всех может контролировать свою вторую сущность. Может управлять своими эмоциями и не выпускать зверя, когда это неудобно.

– Только поэтому он вожак?

– Не только. Он ещё и умнее всех, и быстрее. И жестче. Думаешь, как он добился своего нынешнего положения?

– Ммм... Вызывал всех самцов стаи на поединок?

Я думал, что это будет шуткой.

– Именно! У вервольфов такая же иерархия, как у обычных волков. Главным становится тот, кто лучше всех охотится, имеет больше всех самок и... побеждает всех конкурентов.

– То-то мне показалось, что директор в недавнем прошлом занимался какой-то силовой борьбой.

– Он жив, пока поддерживает форму, – кивнул Алекс. – Но как только вожак ослабеет...

– Акела промахнётся – и его сместят, – кивнул я.

Двери лифта открылись.

– Я думал, мы едем в вестибюль, – заметил я, выглядывая в пустой коридор.

– Попробуем поговорить с братом, – сказал Алекс, выталкивая меня из лифта. – У директора есть младший брат... – он полистал папку, что-то посмотрел и уверенно пошел по коридору.

Здесь интерьер был совсем другого калибра. Мягкий ворсовый ковёр, в котором ноги утопали по щиколотку – мне сразу сделалось стыдно за изгвазданные в грязи кроссовки и мокрые штанины; стены выкрашены в мягкий яичный цвет, всюду неброские картины, состоящие из цветочных пятен, на вид – жутко дорогие. В высоких вазонах – экзотические орхидеи. Казалось, они провожают нас, высывая острые хищные язычки...

Алекс постучал в дверь с скромной табличкой: "Гордей Митрофанович Степной. Зам. Директора по связям с общественностью"

Тишина...

– Так я и думал, – кивнул Алекс, возвращаясь к лифту.

– В смысле?

– Зам по связям с общественностью – должность синекурная, – пояснил шеф, вновь прикладывая карточку и заставляя лифт открыть двери. – Её обычно получает тот, кому руководство вынуждено платить высокий оклад, не получая ничего взамен. Он – младший брат директора. И по-настоящему в работе не нуждается.

– Но почему вы решили проверить именно его?

– Потому что по логике, он – главный наследник гендиректора и всего капитала. У него – самый мощный мотив.

Когда мы вышли на улицу, я испытал невероятное облегчение. Словно с меня стащили тяжелый влажный тулуп, от которого шел неприятный запах. Дышать стало легче, жить – веселее... и всё равно хотелось помыться. Да и в кроссовках хлопало.

Но жаловаться я не стал. В конце концов: что такое несколько стаканов грязной воды, по сравнению с мировой революцией?

– Куда теперь? – меня переполняла жажда деятельности. И хотя прошло уже больше суток с тех пор, как я ел что-то, кроме ягод, в желудке не бурчало. Голова была лёгкая и ясная, двигаться мне было легко.

Сам себе я казался фрегатом, рассекающим плотный людской поток, будто волны.

– Повидаемся с Володей, – сказал шеф. – Здесь недалеко. Кабачок "Вяленый баклажан".

– Какое-то хипстерское название, – хмыкнул я, поглубже засовывая кулаки в карманы куртки.

– Ему всегда хотелось управлять распивочной, – пояснил шеф. – Чтобы смотреть на людей, оставаться в курсе событий... Ну, и пить пиво собственного приготовления.

"Недалеко" по меркам Алекса заняло полчаса. Я уже давно заметил: шеф терпеть не может пользоваться чужим транспортом. Если был выбор: поймать таксомотор или прогуляться, он всегда предпочитал прогулку. Когда позволяло время, конечно.

Распивочная находилась в парке. Под сенью вековых дубов было куда прохладнее, чем на улицах, шум машин почти не доносился. Пахло свежей травой, влажной корой деревьев и битыми кирпичами. Откуда-то издали долетал нервный голос певца:

– Город, как пирамидка из колечек

Каждый человечек в нём наполовинку искалечен...

– За нами идут, – сказал я, когда мы с Алексом миновали последний горящий фонарь. Дальше была только присыпанная песком тьма.

– Знаю, – кивнул шеф. – Сколько, как думаешь?

Я прислушался.

– Трое... Нет, четверо. Судя по запаху – вервольфы. Подростки.

– Отлично, – шеф деятельно потёр руки. – Вот и первое доказательство.

– Что убийца – из среды своих?

– Ну разумеется, – шеф со знанием дела оглядывался по сторонам. Вот он вышел на освещенный луной участок тропинки, прикинул расстояние до ближайших деревьев... – Тот, кто всё это затеял – занервничал. Регламент не предполагал вызова стороннего дознавателя. Со всеми проблемами вервольфов должен был разбираться Владимир. Но появились мы с тобой, и всё пошло наперекосяк.

– Давно хотел спросить, – я пнул с дорожки пару крупных камней. Чтобы не споткнуться в ответственный момент. – Почему он не стал разбираться сам?

– Понимаешь, Володя – человек другого толка. Он любит конкретику. Не признаёт подковёрных интриг, ненавидит закулисные шепотки... К тому же он – лицо заинтересованное. Являясь штатным куратором диаспоры вервольфов, он может быть предвзятым.

Пацаны – вервольфы были всё ближе. Они пыхтели, как самосвалы на горке, и негромко переговаривались... От мальчишек несло пивом и сушеной рыбой.

– Такое, как сейчас, происходит довольно редко, – негромко заметил Алекс. – Собственно, последний случай серийных убийств среди сверхъестественных существ был двадцать лет назад, в Тамбове.

Я только сейчас понял, что говорит он не о нынешней ситуации с гопниками, а о нашем расследовании.

– А вдруг это действительно не убийства? – спросил я.

Вервольфы затаились метрах в десяти от нас. Неторопливо допивая пиво, они следили, как Алекс курит сигарету и лениво готовились к нападению...

Они привыкли иметь дело с обычными людьми, – подумал я. – С теми, кто не обладает звериным нюхом и острым слухом...

Я не уловил от оборотней никаких эманаций страха или возбуждения. Казалось, нападение на людей в ночном парке для них – рутина. Каждодневное занятие.

– Вдруг это действительно древнее проклятие? – продолжил я свою мысль. – Ведь кладбищу не меньше трёхсот лет, верно? И хоронили на нём не пойми кого... Во всяком случае, не обычных людей.

– С чего ты взял? – шеф весь подобрался. Забыв про дымящуюся сигарету, он уставился мне в глаза.

– А вы что... Не знали? Понимаю, глупый вопрос, – извинился я. – Если б знали – не спрашивали... Так вот. Когда мы были на кладбище... То есть, на стройке... Оно эманировало совсем не так, как обычное людское захоронение.

– Может, за древностью погоста? – задумчиво кинул Алекс.

– Да нет, не в этом дело... – я попытался сформулировать. – От могил исходили вибрации. Когда хоронят обычных людей – там ничего нет. Тело – это всего лишь оболочка. Душа отлетела, и осталась пустая скорлупа. Там, на Ярославском шоссе, всё было по-другому.

– Интересно, – сказал шеф и щелчком отправил окурочек в урну.

И в этот момент вервольфы решили атаковать.

Я увидел, как из темноты на спину Алекса бросилась огромная тень, как шеф начал поворачиваться, поднимая руки, и бросился наперерез. Я знал, что он не вытащит револьвер.

Но ещё я знал, что оборотни, хотя и подростки, в десять раз сильнее нас с шефом...

Когда на меня навалилась лохматая туша, я был готов. Ожидая сильного толчка, удара большой массы, я напрягся, встал в защитную стойку... И очень удивился, когда волчья туша отлетела, как сбитая пластиковая кегля.

Второй волк прыгнул с разбегу, целя лапами мне в грудь. Безотказная тактика: повалить на землю и вцепиться в горло... Я поймал его за эти лапы, и пользуясь инерцией прыжка, отправил в дальнейший полёт. Волк ударился о дерево, и так и остался лежать на вытоптанном пятаке, усыпанном окурками.

Третий волк прыгнул мне на спину. Я пригнулся, и он, не ожидая такого подвоха, перекувырнулся через голову и упал на тропинку...

В целом это походило на возню с щенками. Молодые, быстрые, но всё ещё по-детски неуклюжие и неопытные...

И я вовсе не виню вервольфов. Как я уже говорил, они привыкли быть самыми сильными. Среди людей это так и было... Но я больше не был человеком.

У меня не падала планка. Я не чувствовал, что сатанею или впадаю в ярость. Я просто удерживал их на расстоянии, не давая себя покусать.

И всё бы ничего, если бы они продолжили нападать по очереди... Но вот один, самый крупный, чепрачный самец с рыжим подпалом, издал короткий лай, и стая – всего вервольфов было пятеро – окружила меня кольцом и напала одновременно.

Я почувствовал, как чьи-то зубы рванули плечо, как выставленное для защиты запястье прокусывают насквозь, как дёргает болью сухожилие на ноге... Потом рвануло щёку, в горло потекла горячая струя крови.

И тут раздался выстрел.

Глава 6

От неожиданности все замерли. В свете фонарей сцена выглядела контрастной, как на чёрно-белой фотоплёнке.

Несколько крупных волков, изготовившихся к прыжку, тёмные стволы деревьев – тени от веток расчерчивают тропинку на неровные ромбы; а под фонарём, облитый глянцевым светом, словно плащом, застыл Алекс с поднятой рукой. В руке зажат револьвер, дулом вверх.

– А ну, ша. Малявки, – сказал он негромко. Но слова, казалось, всё равно разнеслись по всему парку – такая после выстрела наступила тишина. – Повеселились – и будет.

Волки развернули к нему окровавленные морды и смотрели внимательно, не отрываясь. Алекс убрал револьвер.

Один из волков, приподняв верхнюю губу, зарычал. Револьвер, как по волшебству, возник в руке шефа, но теперь он был направлен точно в лоб волку.

– Рыпнешься – и твои мозги подельники слижут с тропинки, – дружелюбно пообещал Алекс. Волк плюхнулся на задницу и застучал хвостом по земле. – Вот то-то же, – похвалил шеф. – Хороший пёсик.

В желтых глазах волка мелькнул огонь, но рычать он поостерёгся.

– Перекидывайтесь, – приказал шеф. – Нужно поговорить. И не вздумайте слинять, крикнул он вслед хвостам, исчезнувшим за кустами. – Иначе Совет узнает о вашей самодеятельности.

Пока шеф укрощал волков, я старался перевести дыхание. Сердце стучало глухо, как в печной трубе. В глазах прыгали белые искры. Я весь был залит кровью – раны от волчьих зубов были не глубокими, но болезненными. Самым неприятным оказалась разорванная щека. Кровь бежать перестала, но я чувствовал, что при желании смогу просунуть в дыру язык...

С плеча свисал довольно крупный лоскут кожи, икроножное сухожилие было перекушено, и здоровенный кусок задницы был выхвачен, словно каминными щипцами – вот это было по-настоящему унижительно.

Но со мной что-то происходило. Кожа горела, словно присыпанная раскалённым песком, было мне нестерпимо жарко, пульс стучал в животе, отдавался эхом в висках, давил на глазные яблоки... Дыхание сделалось быстрым, словно я только что пробежал стометровку.

И самое главное: пощупав в очередной раз дыру в щеке, я понял, что она стала меньше. Я скосил глаза на плечо. Не скажу, что рана затягивалась на глазах, но подсыхала она весьма заметно. На ногу я уже мог наступать.

Болело всё, как чёрт знает что. Хоть вой. Так плохо я чувствовал себя только тогда, когда у меня из брюха доставали осколки мины...

Зажмурившись, сжав зубы и кулаки, я закусил губу, а волна боли и жара нарастала, делалась плотнее, густела, накрывала с головой... И когда показалось, что сил моих больше нет терпеть – пошла на убыль.

От облегчения я чуть не заплакал – остановило то, что из-за кустов неуверенно, по одному, начали выходить подростки.

Одетые в спортивные костюмы, в модные белые кроссовки, увешанные множеством цепей, цепочек и прочих фенечек, больше всего походили они на гопников, из какого-нибудь Чертаново.

Кое-кто из них лишь предвкушал избавление от прыщей...

– Ну, гаврики, колитесь: кто вас послал, – весело предложил Алекс.

– Никто, – перекинувшись, пацаны осмелели. – Это мы так играем.

Говорил вожак. Был он рыж, конопат и довольно широк в плечах. На шее его болталась самая толстая золотая цепь.

– Ну что ж, – скучно пожал плечами шеф. – За удовольствия надо платить, – он по-очереди посмотрел в глаза всем волчатам. – Сейчас я вызову представителя Совета. Мы составим протокол – о причинении тяжких телесных... – шеф кивком указал на меня. – Вас привлекут за разбой, охоту на мирных граждан и раскрытие своей сущности непосвященным. В курсе, что за это бывает?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.